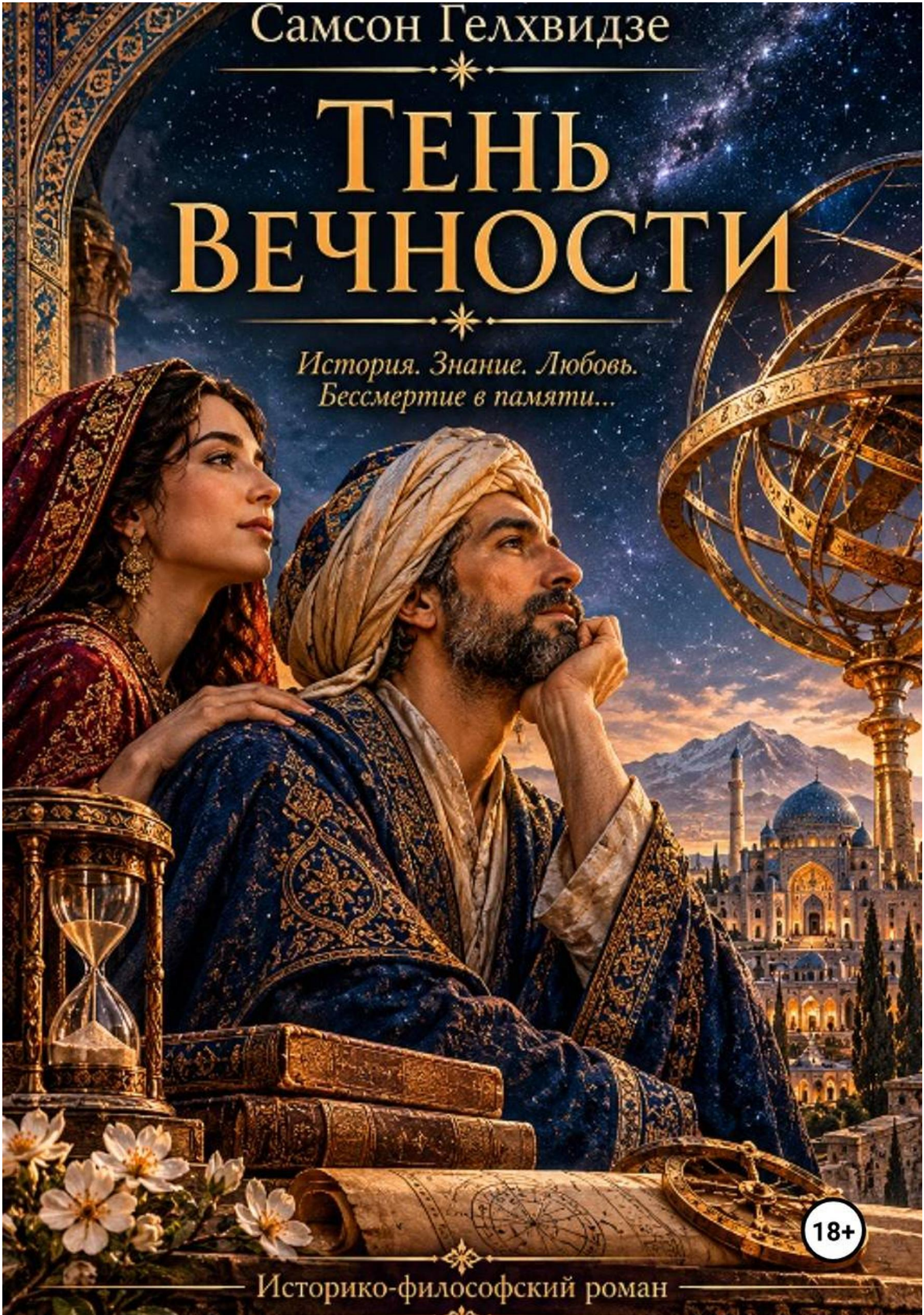
Самсон Гелхвидзе
Тень вечности
История. Знание. Любовь.
Бессмертие в памяти...
18+
Историко-философский роман

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ТЕНЬ ВЕЧНОСТИ - Историко - философский роман

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ТЕНЬ ВЕЧНОСТИ - Историко - философский роман /
С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«Тень вечности» — глубокий историко-философский роман о судьбе Омара Хайяма, выдающегося учёного, поэта и мыслителя Востока. На фоне эпохи Сельджуков автор раскрывает не только мир науки, придворных интриг и интеллектуальных поисков, но и сложную внутреннюю жизнь человека, стремящегося постичь законы Вселенной и одновременно сохранить верность собственным убеждениям.Особую выразительность произведению придаёт сюжетная линия Дома семи светильников — художественная история борьбы за сохранение человеческой памяти, правды и свидетельств прошлого. Автор поднимает вопросы, которые остаются актуальными во все времена: можно ли оправдать несправедливость властью и что остаётся после человека?В романе органично переплетаются историческая атмосфера, философские размышления, научные поиски, поэзия и человеческие чувства. Образ Хайяма предстаёт многогранным: это не только мудрец, наблюдающий за движением звёзд, но и живой человек, способный любить и искать смысл собственного существования.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ТЕНЬ ВЕЧНОСТИ - Историко - философский роман

ТЕНЬ ВЕЧНОСТИ

Историко - философский роман

ПРОЛОГ

ТЕНЬ ВЕЧНОСТИ

Человек редко задумывается о вечности, пока она не начинает отнимать у него что-то дорогое.

В молодости ему кажется, что впереди бесконечная дорога. Он торопится жить, спорит с судьбой, строит планы, ищет любовь, мечтает о славе и верит, что однажды непременно найдёт ответы на вопросы, которые сегодня не дают ему покоя. Он ещё не знает, как быстро меняются человеческие желания, как непрочны самые надёжные обещания и как мало власти имеет человек над тем, что называет собственной судьбой.

Но приходит время, когда даже самый гордый из людей останавливается и смотрит на прожитые годы с удивлением. Куда исчезли дни? Почему лица тех, кого он любил, остались только в памяти?

И отчего некоторые слова, произнесённые давным-давно, продолжают звучать в душе громче, чем голоса живых?

В древнем Хорасане, среди городов, где караваны соединяли Восток и Запад, а учёные спорили о движении небесных светил, жил человек, которому предстояло задавать подобные вопросы не одному своему сердцу, но целым поколениям.

Его звали Омар.

Он не был ни завоевателем, ни наследником престола. Ему не принадлежали крепости, армии и сокровищницы. Его оружием были разум и слово, его владениями — числа, звёзды и пространство человеческой мысли. Он мог часами размышлять над движением планет, искать математическую закономерность там, где другие видели непостижимую волю небес, и сомневаться в том, что казалось окружающим бесспорным.

Однако мир не всегда благосклонен к тем, кто стремится понять его устройство.

Власть любит мудрецов, пока их мудрость служит власти. Вера укрепляет человека, но порой люди, называющие себя её хранителями, начинают бояться свободной мысли. Поэты воспевают любовь и красоту, но сами не защищены от одиночества. А истина, которую так настойчиво ищут философы, не всегда приносит покой тому, кто её обнаруживает.

Омару предстояло пройти через мир, где высокая наука соседствовала с придворными интригами, где щедрость могла обернуться опасностью, дружба подвергалась испытаниям, а одно неосторожное слово порой стоило человеку положения, свободы и самой жизни.

Он будет смотреть на звёзды и искать порядок во Вселенной. Будет приближаться к людям, обладающим огромной властью, и обнаружит, что даже самые могущественные из них не способны повелевать временем. Будет любить, терять, сомневаться и возвращаться к вопросам, на которые не существует простых ответов.

Но однажды его имя станет известно далеко за пределами родной земли.

Одни будут восхищаться его научными трудами, другие станут спорить с его стихами, третьи увидят в нём мудреца, а четвёртые — человека, чьи мысли слишком свободны для спокойного мира. И каждый, кто обратится к его наследию, найдёт там что-то своё.

Возможно, именно в этом и заключается странная судьба настоящего мыслителя: он уходит из жизни, но его вопросы продолжают жить. Его современники становятся прахом, исче-

зают царства, рушатся дворцы, меняются границы государств, а слова, однажды доверенные бумаге, преодолевают столетия.

И всё же прежде, чем стать именем в истории, Омар Хайям был человеком.

У него было детство, семья, родной город, первые учителя и первые сомнения. Он ещё не знал, какие испытания приготовила ему судьба, не представлял, сколько раз ему придётся выбирать между удобным молчанием и честным словом. Он не знал, что однажды его будут судить люди, которые никогда не слышали его голоса и не видели его глаз.

Он просто жил, думал и искал.

И, быть может, именно поэтому его история начинается не во дворце султана, не в обсерватории и даже не среди рукописей, над которыми склоняются учёные.

Она начинается там, где человек впервые осознаёт, что мир гораздо больше, чем его собственная жизнь, а время — гораздо загадочнее, чем движение солнца по небосводу.

Впереди лежал Нишапур. Город, в котором небо казалось ближе к земле, а путь к вечности начинался с одного человеческого вопроса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТЕНЬ, КОТОРУЮ ОТБРАСЫВАЕТ СВЕТ
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГОРОД, ГДЕ НЕБО БЫЛО БЛИЖЕ

Нишапур просыпался медленно, словно не хотел расставаться с ночной прохладой. Первые лучи солнца ложились на плоские крыши домов, золотили купола мечетей и задерживались на высоких стенах караван-сараев. Из узких переулков доносились голоса торговцев, скрип тележных колёс, звон медной посуды. Где-то уже спорили о цене на шёлк, где-то ругались погонщики верблюдов, а над всем этим, едва различимый в утреннем воздухе, поднимался протяжный голос муэдзина.

Это был город, в котором умели считать не только деньги. Здесь измеряли расстояния между звёздами, спорили о природе света, переписывали труды древних мудрецов и искали ответы на вопросы, которые порой казались опаснее любого оружия.

Омар ибн Ибрахим аль-Хайям любил эти утренние часы.

Он сидел у открытого окна, перед ним лежали листы бумаги, чернильница и несколько небольших дощечек с вычислениями. На одной из них была начерчена окружность, разделённая тонкими линиями. Рядом стояла чаша с водой, в которой отражался кусочек неба.

Омар долго смотрел на рисунок, затем взял тростниковое перо и провёл новую линию.

— Не сходится, — произнёс он.

— Значит, ошибся ты, а не мироздание, — раздался голос из соседней комнаты.

В дверях стоял его отец. Немолодой, широкоплечий, с руками человека, привыкшего работать с плотной тканью, верёвками и деревянными каркасами. Он держал в руках небольшой свёрток и смотрел на сына с той особой смесью гордости и беспокойства, которая свойственна отцам, не вполне понимающим занятие своих детей.

— Я не утверждал, что ошиблось мироздание, отец.

— Но уже третий час пытаешься заставить его признать твою правоту.

Омар улыбнулся.

— Иногда достаточно найти правильный вопрос.

— А иногда достаточно позавтракать.

Отец положил свёрток на стол. В нём оказались лепёшка, сыр и несколько фиников.

— Ты опять не спал?

— Спал.

— Когда?

— Между двумя вычислениями.

— Это называется не сон, а короткое перемирие с усталостью.

Омар отложил перо. Он любил отца, хотя между ними существовало расстояние, которое не измерялось ни шагами, ни годами. Отец верил в то, что можно увидеть, потрогать, взвесить и продать. Сын всё чаще задавался вопросами, на которые нельзя было получить ответ даже после самого точного измерения.

— Отец, скажи, почему люди так боятся неизвестного?

— Потому что неизвестное может принести беду.

— А может принести открытие.

— Тогда пусть сначала докажет, что оно не принесёт беду.

Омар рассмеялся.

— Ты рассуждаешь как торговец.

— Я и есть торговец, сын. Я не могу позволить себе рассуждать как поэт.

Отец направился к выходу, но на пороге остановился.

— Сегодня тебя спрашивал один человек из медресе. Он хотел узнать, не собираешься ли ты снова спорить с учителями.

— Я не спорю с учителями. Я задаю вопросы.

— Для некоторых это одно и то же.

Когда отец ушёл, Омар ещё долго смотрел на закрывшуюся дверь. В его памяти всплыл разговор, состоявшийся несколько дней назад. Один из почтенных богословов, выслушав его рассуждения о движении небесных тел, сказал, что молодому человеку следует меньше доверять собственному разуму и больше — словам тех, кто уже знает истину.

Тогда Омар спросил:

— Если истина уже известна, зачем человеку дан разум?

Ответа он не получил. Вместо ответа последовало раздражённое молчание.

Он не считал себя человеком, который обязан разрушать чужую веру. Напротив, его тревожило другое: почему некоторые люди воспринимали вопрос как нападение, сомнение — как измену, а стремление понять устройство мира — как дерзость перед Всевышним?

Разве звёзды были созданы для того, чтобы человек отводил от них глаза?

Омар подошёл к окну. Над городом уже поднялось солнце. На дальнем горизонте виднелись горы, за которыми начинались дороги, ведущие к другим городам, другим народам и другим судьбам.

Он ещё не знал, что однажды эти дороги приведут его к правителям, чья власть будет казаться прочнее камня, и к людям, способным погубить человека одним подозрением. Пока же перед ним лежал лист бумаги, а на листе — задача, которую он не желал оставлять нерешённой.

Он вернулся к столу.

Мир не обязан был объясняться ему. Но он всё равно собирался спрашивать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЦЕНА ОДНОГО ВОПРОСА

В тот же день Омар отправился на рынок.

Он не любил шумные толпы, но рынок Нишапура был для него своеобразной книгой, страницы которой постоянно менялись. Здесь можно было узнать о войнах, не выходя за пределы города, услышать новости из Багдада, Самарканда и Рея, увидеть товары, привезённые из земель, названия которых ещё недавно казались ему строками на карте.

На площади возле караван-сарая торговец из Бухары расхваливал тонкие ткани. Рядом сидел старик, продававший астролябии и медные инструменты. Несколько учеников медресе спорили о толковании старого трактата. Чуть поодаль мальчик пытался удержать на плече тяжёлую корзину с гранатами.

Омар остановился возле старика.

— Покажи, — попросил он, указывая на один из инструментов.

Старик поднял голову.

— Ты уже видел такие.

— Видел. Но этот устроен иначе.

— Значит, он лучше.

— Не обязательно.

Торговец прищурился.

— Ты из тех людей, которые сначала сомневаются в товаре, а потом спрашивают цену?

— Я из тех, кто хочет знать, за что платит.

Старик усмехнулся и протянул ему астролябию.

Омар внимательно осмотрел её. Латунная поверхность была покрыта тонкой гравировкой, на которой обозначались небесные круги и деления. Он повернул алидаду, проверил подвижную часть, затем указал на небольшую неточность.

— Здесь линия смещена.

— На волос.

— Для глаза — на волос. Для измерения — ошибка.

— А если никто её не заметит?

— Тогда ошибка останется ошибкой. Даже если все будут довольны.

Старик рассмеялся.

— Ты говоришь так, будто мир держится на твоих чертежах.

— Нет. Но иногда человеку приходится исправлять то, что он способен исправить.

Омар вернул инструмент.

В этот момент к ним подошёл молодой человек в дорогом дорожном плаще. Он был примерно одного возраста с Омаром, но держался так, словно привык, чтобы его замечали раньше, чем он успевал заговорить.

— Это и есть знаменитый Хайям? — спросил он старика.

— Перед тобой стоит человек, который нашёл ошибку в моей астролябии, — ответил тот.

— Значит, ты действительно способен увидеть то, чего не видят другие?

Омар повернулся к незнакомцу.

— Иногда. Но чаще я вижу то, чего сам прежде не замечал.

— Хороший ответ. А если я спрошу, что находится за пределами мира?

— Сначала уточни, что ты называешь миром.

Молодой человек улыбнулся.

— Говорят, ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос.

— Потому что не каждый вопрос содержит достаточно смысла для ответа.

— А если я потребую ответа?

— Тогда ты получишь не знание, а то, что хочешь услышать.

Улыбка незнакомца исчезла.

— Ты не слишком осторожен, Хайям.

— Осторожность полезна, когда знаешь, от чего защищаешься.

— А ты знаешь?

Омар внимательно посмотрел на него. В его голосе не было обычной насмешки. Скорее, в нём звучало предупреждение, которое незнакомец почему-то решил произнести вслух.

— Не всегда, — ответил Омар. — Но я стараюсь не принимать страх за мудрость.

Молодой человек некоторое время молчал, затем слегка поклонился.

— Меня зовут Фаррух. Я служу людям, которые ценят образованных собеседников. Возможно, нам ещё доведётся встретиться.

— Возможно.

Фаррух ушёл, не назвав ни своего покровителя, ни цели разговора.

Старик проводил его взглядом.

— Ты не знаешь, кто это?

— Нет.

— И не хочешь узнать?

— Если ему понадобится, он сам скажет.

— Иногда, молодой человек, лучше знать, кто задаёт вопросы.

Омар посмотрел в сторону, куда исчез незнакомец.

— А иногда лучше знать, почему человек их задаёт.

Старик покачал головой.

— Тебе следовало бы научиться молчать.

— Я умею молчать.

— Не похоже.

Омар улыбнулся и пошёл дальше.

Однако слова Фарруха не оставляли его. Не потому, что он испугался. Он привык к недовольству людей, которым его рассуждения казались неудобными. Но в этот раз он почувствовал нечто другое: за обычной беседой скрывалась проверка. Кто-то хотел понять, насколько далеко он готов заходить в своих вопросах.

Вечером, вернувшись домой, Омар обнаружил на столе небольшой свиток. На нём не было ни печати, ни имени отправителя. Только несколько строк:

«В Исфахане ищут людей, способных измерить движение небесных светил. Там ценят не только знания, но и умение служить тем, кто обладает властью. Если ты желаешь увидеть больше, чем стены родного города, приготовься к дороге».

Омар перечитал послание.

Исфахан.

Город, в котором находился двор султана Малик-шаха. Город, где решались судьбы провинций, где собирались военачальники, чиновники, богословы и учёные. Город, о котором он слышал немало, но никогда не считал своей мечтой.

Он положил свиток рядом с вычислениями.

Впервые за долгое время перед ним возникла задача, для решения которой было недостаточно одной математики.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ДОРОГА К НЕИЗВЕСТНОМУ

На следующее утро Омар пришёл к старому учителю.

Медресе располагалось в стороне от главных торговых улиц. Его двор был небольшим, но в нём росли два дерева, дававшие густую тень. Вдоль стен стояли деревянные скамьи, а у входа в учебную комнату висела дощечка с именами учеников.

Учитель сидел за низким столом и читал рукопись. Он был уже стар, но сохранял ясный взгляд и ту внутреннюю собранность, которая не исчезает с годами.

— Ты рано сегодня, Омар, — сказал он, не поднимая головы.

— Мне нужно посоветоваться.

— Значит, случилось что-то серьёзное.

— Мне предложили отправиться в Исфахан.

Учитель отложил рукопись.

— Кто предложил?

— Человек, имени которого я не знаю.

— И ты уже собираешься ехать?

— Я пока только думаю.

— Это разумнее.

Омар сел напротив.

— Там собираются создать обсерваторию. Султану нужны астрономы.

— Я слышал об этом. Малик-шах окружает себя учёными. Его визирь Низам аль-Мульк понимает, что государство нуждается не только в воинах.

— Значит, мне следует принять предложение?

Учитель долго смотрел на него.

— Ты спрашиваешь меня о дороге или о судьбе?

— Разве между ними есть разница?

— Иногда дорога становится судьбой. Но человек редко понимает это в тот момент, когда делает первый шаг.

Омар опустил глаза.

— Я хочу заниматься наукой. Не ради почестей и не ради богатства. Я хочу понять, почему числа подчиняются определённым законам, почему небесные тела движутся так, а не иначе, почему человеческий разум способен обнаружить порядок там, где сначала видит только хаос.

— Это достойное желание.

— Но для этого мне придётся служить султану.

— А разве ты уже решил, что служба правителю непременно означает служение его прихотям?

— Не решил. Но власть редко терпит рядом с собой людей, которые думают самостоятельно.

Учитель чуть заметно улыбнулся.

— Вот теперь ты задаёшь правильный вопрос.

Он поднялся и подошёл к окну. Во дворе несколько учеников разбирали старую рукопись. Один из них, совсем мальчик, водил пальцем по строкам, стараясь понять смысл написанного.

— Знаешь, Омар, — произнёс учитель, — есть люди, которые стремятся к власти, потому что хотят повелевать другими. Есть люди, которые ищут богатства, потому что боятся бедности. А есть те, кто ищет знание, потому что не может жить, не задавая вопросов. Последние часто оказываются в самом трудном положении.

— Почему?

— Потому что их нельзя полностью купить, но и нельзя всегда оставить в покое.

Омар посмотрел на учителя.

— Значит, мне лучше остаться?

— Я не вправе решать за тебя.

— А если я ошибусь?

— Ошибка тоже может стать учителем. Но не всякая ошибка оставляет человеку возможность исправиться.

В этих словах не было угрозы. Только усталое знание человека, который прожил достаточно долго, чтобы увидеть, как быстро меняются судьбы тех, кто оказывается рядом с сильными мира сего.

— Возьми с собой свои записи, — продолжил учитель. — И не позволяй никому убедить тебя, будто мудрость измеряется количеством людей, которые с тобой согласны.

Омар поднялся.

— Я запомню.

— Нет, — мягко возразил старик. — Ты должен не запомнить. Ты должен проверить это на собственной жизни.

Омар поклонился и вышел во двор.

В тот день он долго ходил по городу. Прошёл мимо лавки отца, задержался возле мастерской, где делали медные светильники, заглянул в книжную лавку и купил несколько листов хорошей бумаги. Он смотрел на знакомые улицы так, словно видел их впервые.

Нишапур был его домом. Здесь он родился, здесь впервые услышал звуки споров о мудрости и вере, здесь научился читать не только книги, но и лица людей. Здесь были могилы его предков, знакомые голоса, запах хлеба из соседней пекарни и тень дерева, под которым он любил сидеть в детстве.

Уехать означало оставить всё это.

Но остаться означало, возможно, отказаться от того, ради чего он жил.

Вечером он рассказал отцу о послании.

Тот выслушал сына, не перебивая. Затем долго молчал.

— Исфахан далеко, — наконец произнёс он.

— Я знаю.

— Дороги неспокойны.

— Я знаю.

— При дворе люди улыбаются иначе, чем на рынке.

— И этого я не знаю, отец. Но, наверное, узнаю.

Отец отвернулся к окну.

— Я всю жизнь хотел, чтобы ты был рядом. Но не для того, чтобы ты прожил мою жизнь вместо своей.

Он подошёл к сундуку, достал небольшой кожаный мешочек и положил перед сыном.

— Здесь немного денег. Не богатство, но на дорогу хватит.

— Отец, я не могу взять всё это.

— Можешь. И возьмёшь.

— Но это твои сбережения.

— А ты мой сын.

Омар не нашёлся с ответом.

Отец положил ладонь ему на плечо.

— Только обещай мне одно.

— Что?

— Не становись человеком, который считает себя выше других только потому, что знает больше.

— Я постараюсь.

— И ещё. Не забывай, что за каждой большой дверью стоит человек. Иногда он мудрее тебя. Иногда глупее. Но прежде чем судить его, постарайся понять, чего он боится.

Омар обнял отца.

Впервые за долгое время он почувствовал, что решение принято.

Через несколько дней караван должен был отправиться на запад. Впереди лежали долгие дороги, чужие города, придворные интриги и работа, которая могла изменить не только его жизнь, но и представление людей о времени.

В ту ночь Омар вышел на крышу.

Над Нишапуром раскинулось огромное небо. Звёзды горели спокойно, словно ничего не знали о человеческих тревогах. Он нашёл знакомое созвездие, проследил взглядом его положение и мысленно отметил угол между двумя точками.

Потом опустил глаза на город.

Сколько людей сейчас спали под этими крышами? Сколько из них мечтали о дальних странах? Сколько боялись завтрашнего дня? Сколько проживали жизнь, даже не подозревая, что однажды их имена исчезнут, а их поступки продолжат влиять на судьбы других?

Он подумал о времени.

Люди пытались измерить его годами, месяцами, днями и часами. Но разве время было только движением небесных тел? Разве не существовало другого времени — того, которое человек носит внутри себя? Времени ожидания, любви, раскаяния, утраты, надежды?

Омар вернулся в комнату и открыл чистый лист.

Вверху он написал несколько слов, затем остановился. Ему хотелось выразить мысль, которая ещё не обрела окончательной формы.

Он зачеркнул написанное. За окном медленно угасала ночь. А далеко на западе уже начинался новый день, который однажды станет частью его собственной судьбы.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР В НИШАПУРЕ

Караван должен был покинуть Нишапур на рассвете.

Весь предыдущий день Омар провёл в приготовлениях. Он собрал рукописи, без которых не представлял себе дальнейшей работы, проверил записи, завернул в плотную ткань астрономические таблицы и сложил в небольшой дорожный сундук одежду и необходимые вещи. Отец несколько раз заходил в комнату, каждый раз находя новую причину задержаться, хотя все приготовления давно были закончены.

Мать, если бы она была жива, вероятно, поступила бы иначе. Она непременно нашла бы ещё десяток вещей, которые сыну следовало взять с собой, а потом долго поправляла бы его дорожную одежду, словно он отправлялся не в далёкий Исфахан, а на прогулку за город.

Омару вспомнилось её лицо. Память сохранила его не таким ясным, как ему хотелось бы. С годами некоторые черты словно растворялись, оставляя после себя лишь ощущение тепла, которое невозможно было описать словами.

Он задержал взгляд на старой деревянной шкатулке. В ней хранились несколько семейных писем и небольшой перстень, принадлежавший матери. Омар взял его, повертел в пальцах и осторожно положил в дорожный мешочек.

— Ты опять смотришь на прошлое? — спросил отец, появившись в дверях.

— Разве это плохо?

— Нет. Плохо, если прошлое начинает удерживать человека сильнее, чем настоящее.

Омар закрыл шкатулку.

— А если без прошлого настоящее теряет смысл?

Отец сел рядом.

— Тогда не забывай его. Но и не превращай память в цепь.

Некоторое время они молчали. За окном слышались голоса соседей, готовившихся к вечерней молитве. В доме пахло свежим хлебом и горячим маслом. Всё было так привычно, что Омару вдруг захотелось отложить отъезд хотя бы на один день.

— Ты мог бы остаться, — тихо сказал отец.

Омар поднял голову.

— Ты сам помог мне собраться.

— Помог. И помогу ещё, если понадобится. Но я не хочу, чтобы ты уезжал только потому, что считаешь себя обязанным оправдать мои надежды.

— Я еду ради себя.

— Вот это и хотел услышать.

Отец встал и подошёл к окну. Вечерний Нишапур постепенно погружался в сумерки. На крышах зажигались первые светильники.

— Когда я был молод, — заговорил он, — мне казалось, что вся жизнь заключена в нашей мастерской. Я хотел расширить дело, купить ещё один дом, стать известным среди торговцев. Некоторые желания исполнились, другие остались мечтами. Но знаешь, о чём я жалею?

— О чём?

— О том, что слишком часто откладывал простые радости на потом. Думал, что успею. Успею поговорить, навестить друга, провести вечер с семьёй. А потом обнаруживал, что время уже прошло.

Омар смотрел на отца и впервые замечал в его лице не только силу и уверенность, но и тихую печаль прожитых лет.

— Ты ещё не стар, отец.

— Для тебя, возможно. Но я уже знаю, что жизнь не спрашивает, готов ли человек к её завершению.

Он обнял сына и вышел из комнаты.

Ночью Омар почти не спал. Он перебирал бумаги, проверял записи, прислушивался к звукам дома. Ему казалось, что каждый шорох теперь имеет особое значение. Даже тиканье водяных часов, доносившееся из соседнего помещения, звучало иначе.

Перед рассветом он вышел на улицу.

Город ещё спал. Только возле ворот караван-сарая уже собирались погонщики, проверяли упряжь, переговаривались и укладывали последние тюки. Верблюды недовольно ворчали, словно заранее выражали протест против долгого пути.

Отец проводил сына до ворот.

— Помни, — сказал он, — учёность не делает человека лучше автоматически. Можно знать множество книг и при этом не понимать собственного соседа.

— Постараюсь не забывать.

— И не спорь с каждым, кто говорит глупость. Иногда человек нуждается не в том, чтобы его опровергли, а в том, чтобы его выслушали.

Омар улыбнулся.

— Ты сегодня говоришь как мой учитель.

— Значит, твой учитель не так уж плох.

Они обнялись в последний раз.

Омар поднялся на верблюда. Караван тронулся. Несколько мгновений он ещё видел отца у ворот, потом фигура растворилась среди людей и пыли.

Нишапур оставался позади.

Омар не оглядывался. Он знал: если позволит себе ещё один взгляд, то может попросить остановить караван.

Впереди была дорога, а вместе с ней — неизвестность, которую он сам выбрал.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЛЮДИ ОДНОЙ ДОРОГИ

Первые дни пути оказались совсем не такими, какими Омар представлял их себе.

Он рассчитывал на возможность читать, делать записи и наблюдать за небом во время остановок. Но караванная жизнь быстро напомнила ему, что дорога принадлежит не учёным, а тем, кто умеет преодолевать её трудности.

Песок забивался в одежду, ночной холод проникал под покрывала, а дневная жара заставляла искать тень даже под редкими придорожными деревьями. Верблюды двигались размеренно, но их упрямство порой испытывало терпение самых спокойных погонщиков.

В караване было около тридцати человек. Среди них находились торговцы, ремесленники, несколько паломников и вооружённые сопровождающие. Омар держался немного в стороне, предпочитая слушать разговоры, а не участвовать в них.

Однако на третий день один из путешественников сам подсел к нему во время привала.

Это был невысокий мужчина лет сорока с добрым лицом и внимательными глазами. Его звали Хасан ибн Салих. Он торговал книгами и письменными принадлежностями, а в дороге успел подружиться почти со всеми участниками каравана.

— Ты всё время что-то записываешь, — заметил он, указывая на листы Омара. — Неужели дорога даёт тебе столько мыслей?

— Скорее, она мешает забывать те, которые приходят в голову.

— Значит, ты поэт?

— Нет. Я занимаюсь математикой и астрономией.

Хасан оживился.

— Астрономией? Тогда, возможно, ты сможешь объяснить мне одну вещь.

— Если смогу.

— Почему люди, глядя на одни и те же звёзды, видят в них разные судьбы?

Омар отложил перо.

— Потому что звёзды находятся далеко, а человеческие желания — близко. Каждый ищет на небе подтверждение тому, во что уже верит.

Хасан рассмеялся.

— Хорошо сказано. Но я спрашивал серьёзно.

— И я отвечал серьёзно.

— Тогда скажи, можешь ли ты по звёздам определить, будет ли мой торговый путь удачным?

— Нет.

— А если я заплачу?

— Тогда ты заплатишь за ложь, а я стану её продавцом.

Хасан посмотрел на него с неподдельным уважением.

— Значит, ты не из тех учёных, которые обещают людям счастье за несколько монет.

— Счастье не помещается в расчётную таблицу.

— Жаль. Я бы купил такую таблицу.

Они рассмеялись.

Вскоре к ним присоединился пожилой паломник по имени Мухаммад. Он направлялся в один из священных городов и уже несколько дней жаловался на боль в колене. Его лицо было иссечено морщинами, но в глазах сохранялась удивительная ясность.

— Вы всё о звёздах, — произнёс он, усаживаясь рядом. — А я вот думаю о земле. Человек всю жизнь смотрит вверх, а умирает на ней.

— Но разве это мешает ему искать смысл выше собственной головы? — спросил Омар.

— Не мешает. Только иногда я думаю, что люди слишком много ищут в небе и слишком мало замечают возле себя.

Мухаммад протянул руку к бурдюку, отпил воды и продолжил:

— Вчера один погонщик помог мне подняться на верблюда. Ничего особенного, скажете вы. Но он сделал это без просьбы и без свидетелей. А сегодня утром торговец отказался продать бедняку лепёшку в долг, хотя тот обещал вернуть деньги. Скажите, молодой учёный, где больше мудрости?

Омар задумался.

— В поступке погонщика.

— А где больше веры?

— Не знаю, — ответил Омар. — Возможно, там же.

Старик одобрительно кивнул.

— Вот видишь. Иногда ответ находится не на звёздном небе.

Разговор постепенно перешёл к рассказам о путешествиях. Хасан вспоминал торговые города, где продавали книги на разных языках, Мухаммад рассказывал о паломниках, которых встречал в пути, а Омар слушал и задавал вопросы.

Он вдруг понял, что дорога даёт ему не меньше знаний, чем библиотека. Только здесь книги были живыми. Каждый человек нёс собственную историю, и не всегда её можно было прочитать по лицу.

На следующий день караван остановился возле небольшого селения. Там они пополнили запасы воды и купили фураж для животных. Омар заметил, как молодой погонщик делил последнюю лепёшку с бездомным мальчиком.

— Почему ты отдаёшь ему свою еду? — спросил он.

— Потому что он голоден.

— А ты?

— Я тоже. Но я старше и могу потерпеть.

Мальчик смотрел на них, не понимая разговора. Погонщик улыбнулся и протянул ему оставшуюся половину.

Омар отвернулся.

В тот вечер он долго не мог уснуть. Перед глазами стояло лицо мальчика и рука погонщика, протянутая с куском хлеба.

Он вспомнил слова учителя о том, что знание само по себе не делает человека мудрым.

Возможно, настоящая мудрость начиналась именно там, где человек переставал считать чужую беду чем-то посторонним.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ЗВЁЗДЫ НЕ ДАЮТ ОБЕЩАНИЙ

Ночь застала караван на открытом пространстве, вдали от больших селений.

Погонщики выбрали место для стоянки возле неглубокого пересохшего русла. Верблюдов расположили полукругом, чтобы животные не разбредались, а люди устроились у небольших костров. Усталость после долгого перехода сделала разговоры короткими. Большинство путешественников вскоре заснуло.

Омар не ложился.

Он отошёл немного от стоянки, взял с собой астролябию и остановился на возвышенности. Небо было необычайно чистым. Звёзды казались такими близкими, что возникало странное ощущение: протяни руку — и коснёшься холодного сияния.

Он определил несколько небесных ориентиров, сделал записи и некоторое время просто смотрел вверх.

Его занимала мысль о движении небесных тел. Он знал, что наблюдаемая картина не всегда совпадает с тем, что подсказывает простое представление о движении. Существовали сложные закономерности, требовавшие точных расчётов, терпения и готовности пересматривать привычные объяснения.

Но за математической задачей скрывался вопрос, который не давал ему покоя: почему мир вообще подчиняется законам, доступным человеческому разуму?

Разве не удивительно, что существо, живущее несколько десятилетий на маленькой планете, способно вычислять движения далёких светил?

— Ты опять разговариваешь со звёздами?

Омар обернулся. Рядом стоял Хасан.

— Нет. Я пытаюсь понять их движение.

— И они отвечают?

— Пока молчат.

Хасан сел на камень.

— Может быть, это и есть их мудрость.

— Молчание не всегда означает мудрость.

— А разговор не всегда означает разум.

Омар улыбнулся.

— Ты становишься опасным собеседником.

— Я торговец, Омар. Мы привыкаем оценивать людей по тому, что они говорят, и по тому, что скрывают.

Хасан некоторое время смотрел на небо.

— Знаешь, я много лет путешествую. Видел людей, которые верили в предсказания, и людей, которые смеялись над ними. Видел тех, кто боялся затмений, и тех, кто объяснял их движение. Но всех объединяло одно: каждый хотел знать, что произойдёт завтра.

— Это естественное желание.

— Да. Только мне кажется, что человек не столько хочет знать будущее, сколько хочет избавиться от страха перед ним.

Омар задумался.

— Возможно, ты прав.

— А ты не боишься?

— Чего именно?

— Того, что тебя ждёт в Исфахане.

Омар не ответил сразу.

— Боюсь неизвестности. Но ещё больше боюсь однажды понять, что отказался от своего пути только потому, что испугался сделать первый шаг.

Хасан кивнул.

— Хорошо сказано. Только не забывай, что смелость и безрассудство иногда идут рядом.

— Постараюсь различать их.

Из темноты донёсся шум. Кто-то вскрикнул, затем послышались быстрые шаги. Омар и Хасан поднялись и направились к стоянке.

Один из верблюдов вырвался из привязи и, испугавшись огня, потянул за собой несколько других животных. Погонщики бросились удерживать их. В суматохе один из тюков упал на землю, а молодой сопровождающий едва не оказался под ногами испуганного верблюда.

Омар помог поднять тюк и оттащил его в сторону. Хасан вместе с другими удержал животное за повод.

Через несколько минут всё успокоилось.

— Вот тебе и звёздные предсказания, — проворчал один из погонщиков. — Лучше бы ты, учёный, вычислил, когда верблюды начнут буянить.

— Для этого мне понадобилось бы изучить их характер, — ответил Омар.

— Тогда тебе придётся прожить с ними всю жизнь!

Люди засмеялись. Напряжение рассеялось.

Когда караван снова погрузился в тишину, Омар вернулся на возвышенность. Он посмотрел на звёзды, затем на землю, где ещё недавно люди боролись с испуганными животными.

Небо оставалось прежним. Оно не обещало ни удачи, ни беды. Оно просто существовало, равнодушное к человеческим страхам и надеждам.

И всё же человек продолжал смотреть вверх.

Может быть, потому, что ему необходимо было верить: над суетой повседневности есть нечто постоянное, нечто, что не исчезает вместе с отдельной жизнью.

Омар убрал астролябию.

Он не нашёл ответа на главный вопрос этой ночи. Но понял, что поиски истины не обязательно должны завершаться окончательным ответом. Иногда достаточно научиться задавать вопрос так, чтобы он открывал перед человеком новые горизонты.

На рассвете караван снова двинулся в путь.

Впереди был Исфахан — город султана, учёных и придворных. Там Омара ожидали новые знакомства, новые испытания и возможность приблизиться к тем знаниям, ради которых он покинул родной дом.

Он ещё не знал, что вскоре ему придётся понять цену не только научной истины, но и человеческой независимости. А пока он ехал навстречу своей судьбе, не подозревая, что самые трудные вопросы однажды будут обращены не к звёздам, а к нему самому.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ГОРОД ЗА ГОРИЗОНТОМ

К Исфахану караван приближался уже несколько дней.

Дорога постепенно менялась. Пустынные участки уступали место обработанным землям, вдоль которых встречались небольшие селения, сады и поля. На перекрёстках становилось больше людей, а на стоянках всё чаще появлялись торговцы, направлявшиеся в столицу Сельджукского государства.

Омар заметил, что даже разговоры путешественников стали другими. В Нишапуре чаще говорили о ремесле, торговле, семейных делах и учёных спорах. Здесь же всё чаще упоминали султана, визиря, придворных чиновников и людей, от которых зависели назначения и судьбы целых областей.

Власть была незримым спутником дороги. Её несли в дорожных сундуках посланников, в запечатанных письмах, в распоряжениях, которые зачитывали на площадях, и в страхе, с которым некоторые люди произносили имена высокопоставленных особ.

Однажды вечером Хасан подсел к Омару и протянул ему чашу с водой.

— Завтра, если всё пойдёт благополучно, мы увидим Исфахан.

— Ты бывал там?

— Несколько раз. Город большой, богатый, шумный. Там можно купить почти всё, что продаётся в известных мне землях. И почти всё, что не продаётся, можно достать через нужного человека.

— Значит, город не так уж отличается от остальных.

— Ошибаешься. В обычном городе человек ищет товар. В столице он ищет того, кто способен открыть ему дверь.

Омар посмотрел на собеседника.

— А если человеку нужна не дверь, а возможность работать?

— Тогда ему придётся найти человека, который понимает ценность его работы.

— Надеюсь, такие люди там есть.

Хасан не ответил сразу.

— Есть. Но их меньше, чем тех, кто умеет говорить о ценности чужого труда.

На следующее утро караван поднялся ещё до восхода. Воздух был прохладным, земля после ночной росы казалась темнее, а вдали уже угадывались очертания большого города.

Сначала Омар увидел лишь башни и стены. Потом проступили купола, минареты, крыши домов, а за ними — широкие пространства садов и торговых кварталов. Исфахан раскрывался постепенно, словно не желал сразу показывать приезжему всё своё великолепие.

Когда они подошли ближе, навстречу потянулись вереницы повозок и всадников. На дорогах стояли караванные животные, торговцы выкрикивали названия товаров, слуги торопливо пробирались между людьми. В воздухе смешивались запахи пыли, пряностей, свежего хлеба и древесного дыма.

Омар остановил верблюда и некоторое время смотрел на город.

— Вот он, твой новый мир, — сказал Хасан.

— Пока я вижу только стены.

— За стенами находятся люди. Именно они и составляют город.

Омар улыбнулся.

Вскоре караван вошёл в один из городских кварталов. Путешественники направились к караван-сараю, где собирались остановиться на несколько дней. Хасан знал хозяина и быстро договорился о размещении.

После долгой дороги Омару хотелось остаться одному. Он отнёс свои вещи в небольшую комнату, проверил сохранность рукописей и вышел во двор.

Караван-сарай жил своей особенной жизнью. В одном углу разгружали тюки с тканями, в другом спорили о цене на лошадей. Несколько писцов сидели возле стены, переписывая документы. Возле колодца слуга наполнял кувшины, а пожилой торговец рассказывал собравшимся о нападении разбойников на дороге из Рея.

Омар остановился возле группы людей, обсуждавших недавние события при дворе.

— Говорят, султан снова собирает учёных, — произнёс один из них.

— Султан собирает многих, — ответил другой. — Вопрос в том, надолго ли они остаются.

— Если человек полезен государству, его не станут отпускать.

— А если он станет неудобен?

Собеседники переглянулись и замолчали.

Омар отошёл.

Ему предстояло выяснить, куда обратиться по поводу своего приглашения. Послание не содержало точного адреса, а имя Фарруха, с которым он разговаривал в Нишапуре, не давало никаких преимуществ.

Вечером он достал свиток и ещё раз прочитал его.

«В Исфахане ищут людей, способных измерить движение небесных светил».

Теперь эти слова казались ему не приглашением, а началом испытания.

Он подошёл к окну. Над крышами уже темнело небо. Первые звёзды появлялись над городом, и Омар невольно улыбнулся.

Звёзды были теми же, что и над Нишапуром. Менялись города, правители, дороги и человеческие обстоятельства, но небесные светила продолжали свой путь.

И всё же теперь он смотрел на них иначе.

Впервые в жизни он оказался в месте, где его научные интересы могли получить поддержку не только со стороны отдельных учителей, но и со стороны государства. Это открывало огромные возможности. Однако вместе с ними возникала опасность, которую он пока не умел оценить.

Он ещё не знал, сколько свободы оставляет человеку благосклонность могущественного покровителя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИМЯ, ОТКРЫВАЮЩЕЕ ДВЕРИ

Утром Хасан сообщил Омару, что нашёл человека, способного помочь ему добраться до нужных чиновников.

— Его зовут Абу Наср, — сказал торговец. — Он занимается перепиской документов для нескольких состоятельных домов. Знает людей при дворе и умеет отличать полезное знакомство от пустого обещания.

— Он согласился встретиться со мной?

— Согласился выслушать. Не путай эти вещи.

Они отправились в старую часть города, где среди торговых лавок и небольших мастерских находился дом Абу Насра.

Хозяин оказался сухощавым мужчиной с аккуратно подстриженной бородой. Его одежда была простой, но добротной. На столе лежали бумаги, свитки и несколько небольших печатей.

Он встретил гостей без особой любезности, однако предложил им сесть.

— Значит, ты тот молодой человек из Нишапура, который занимается математикой и астрономией?

— Да.

— Кто тебя рекомендовал?

Омар назвал имя своего учителя, а затем рассказал о послании, полученном перед отъездом.

Абу Наср внимательно выслушал его и протянул руку.

— Покажи.

Он прочитал свиток дважды.

— Почерк незнакомый, печати нет. Кто передал тебе это послание?

— Я нашёл его у себя дома.

— И ты отправился в путь, не зная, кто тебя приглашает?

— Я хотел проверить, существует ли такая возможность.

— Смелое решение.

— Или неосторожное.

Абу Наср посмотрел на него внимательнее.

— По крайней мере, ты способен допустить, что ошибся. Это полезное качество.

Он положил свиток на стол.

— Султан Малик-шах действительно проявляет интерес к наукам. При его дворе работают образованные люди, а визирь Низам аль-Мульк понимает, что сильное государство нуждается не только в войске и налогах. Но попасть к ним непросто.

— Что мне следует сделать?

— Представить свои труды.

— У меня есть вычисления и наблюдения. Некоторые задачи я ещё не завершил.

— Покажи то, что завершил.

Омар достал несколько листов и разложил их перед хозяином дома. Он объяснил характер своих занятий, рассказал о математических исследованиях и трудностях, возникающих при согласовании наблюдений с существующими астрономическими моделями.

Абу Наср слушал молча.

В какой-то момент он остановил Омара:

— Ты понимаешь, что при дворе не станут долго разбираться в тонкостях твоих рассуждений?

— Если мои результаты окажутся полезными, найдутся люди, способные их оценить.

— А если нет?

— Тогда мне придётся искать другое место.

— Ты слишком легко говоришь об отказе.

— Я предпочитаю быть готовым к нему заранее.

Абу Наср слегка улыбнулся.

— В этом городе тебе придётся научиться ещё одной вещи. Не всякий отказ означает, что твои труды плохи. Иногда человек не хочет признавать достоинства другого, потому что боится потерять собственное положение.

Омар внимательно посмотрел на него.

— Значит, мне следует быть осторожным?

— И терпеливым. Особенно терпеливым.

Хозяин дома поднялся, прошёл к шкафу и достал чистый лист.

— Я напишу несколько слов одному человеку, который занимается вопросами учёных при дворе. Он не обещает тебе встречи с визирем, но сможет передать твои работы тем, кто имеет право их рассматривать.

— Я благодарен вам.

— Не спеши благодарить. Я лишь даю тебе возможность быть услышанным. Дальше всё зависит от тебя.

Он быстро написал письмо, запечатал его и передал Омару.

— Отнесёшь завтра. А сегодня отдохни. Не пытайся за один день завоевать столицу.

Когда гости вышли, Хасан рассмеялся.

— Кажется, ты ему понравился.

— Почему ты так решил?

— Он потратил на тебя больше времени, чем обычно тратит на незнакомцев.

— Возможно, ему просто интересны мои вычисления.

— Это тоже неплохо.

Они прошли несколько кварталов. Хасан показал Омару книжную лавку, где продавались рукописи по математике и медицине. Затем они остановились возле мастерской, в которой изготовляли астрономические инструменты.

Омар долго рассматривал выставленные изделия. Некоторые из них были выполнены с большим мастерством. Он заметил, что местные мастера применяли иные способы разметки, чем те, к которым он привык в Нишапуре.

— Вот видишь, — сказал Хасан. — Даже в одном ремесле разные города находят собственные решения.

— Но не все решения одинаково точны.

— Значит, ты опять собираешься кого-то поправлять?

— Только если меня попросят.

Хасан покачал головой.

— Надеюсь, Исфахан научит тебя терпению.

Омар не ответил. Он смотрел на инструменты и думал о том, что наука никогда не принадлежала одному человеку или одному городу. Каждый мастер, каждый наблюдатель, каждый переписчик добавлял к общему знанию что-то своё.

Вечером он долго работал над документами, которые собирался представить при дворе.

Он не хотел производить впечатление человека, ищущего покровительства ради собственного возвышения. Ему нужна была возможность исследовать, проверять, сравнивать и сомневаться. Но он постепенно начинал понимать, что для этого придётся научиться говорить с властью на языке, который она способна услышать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРВАЯ БЕСЕДА О ВЛАСТИ

На следующий день Омар передал письмо Абу Насра чиновнику, занимавшемуся приёмом документов от учёных и ремесленников.

Его заставили ждать.

Сначала он стоял в длинном коридоре, где находились несколько просителей. Одни пришли с прошениями о назначении, другие надеялись добиться возвращения имущества, третьи ожидали решения по торговым спорам. Каждый держал в руках бумаги и старался выглядеть спокойным.

Но спокойствие было лишь внешним. В глазах людей читалась тревога.

Омар наблюдал за ними и думал, как странно устроена человеческая жизнь. Один человек мог годами трудиться, создавать, строить и накапливать, но судьба его имущества иногда зависела от подписи чиновника, которого он прежде никогда не видел.

Наконец его пригласили в небольшую комнату.

За столом сидел пожилой писец. Он взял письмо, прочитал его и попросил Омара рассказать о своих занятиях.

Омар говорил недолго, стараясь не перегружать собеседника сложными подробностями. Он объяснил, какие математические вопросы его занимают, почему необходимы точные астрономические наблюдения и какую пользу подобные исследования могут принести государству.

Писец слушал, затем спросил:

— Ты хочешь служить султану?

— Я хочу заниматься наукой.

— Это не ответ.

Омар задумался.

— Если мои знания окажутся полезны султану, я готов трудиться при его дворе. Но я не хотел бы, чтобы от меня требовали утверждать то, что противоречит результатам моих исследований.

Писец отложил письмо.

— Ты ещё молод. Не следует заранее ставить условия людям, которые могут предоставить тебе возможность работать.

— Я не ставлю условий. Я объясняю, что считаю необходимым для самой работы.

— А если твои выводы не понравятся тем, кто принимает решения?

— Тогда их следует проверить.

Писец посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Ты действительно думаешь, что при дворе можно спорить с каждым решением?

— Нет. Но если речь идёт о научном исследовании, спор иногда необходим.

Некоторое время они молчали.

— Хорошо, — наконец сказал чиновник. — Я передам твои бумаги. Возможно, тебя пригласят для беседы с людьми, которые занимаются вопросами астрономии.

Омар поклонился и вышел.

На улице его ждал Хасан.

— Ну что?

— Мои работы передадут дальше.

— Это хорошо.

— Но я не уверен, что произвёл благоприятное впечатление.

— А ты хотел, чтобы они сразу подарили тебе обсерваторию?

— Нет.

— Тогда не торопись с выводами.

Они направились к караван-сараю, но по дороге остановились возле небольшого сада. Там, в тени деревьев, сидели двое мужчин. Один был одет как образованный богослов, другой — как человек, имеющий отношение к придворной службе.

Хасан поздоровался с ними и представил Омара.

Первым заговорил богослов:

— Ты приехал из Нишапура?

— Да.

— И занимаешься небесными науками?

— В основном астрономией и математикой.

— А как ты относишься к людям, которые пытаются объяснить всё устройство мира одними вычислениями?

Омар не сразу ответил.

— Я считаю, что вычисления помогают человеку понять некоторые закономерности. Но не думаю, что они способны заменить всё остальное знание.

— А если учёный обнаружит закономерность, которая покажется противоречащей привычному толкованию?

— Тогда необходимо разобраться, действительно ли существует противоречие. Возможно, ошибается учёный. Возможно, ошибается толкователь. Возможно, мы пока не понимаем предмета достаточно хорошо.

Второй мужчина усмехнулся.

— Осторожный ответ.

— Потому что вопрос непростой.

Богослов внимательно посмотрел на Омара.

— А ты не боишься, что подобные рассуждения приведут тебя к сомнению во всём?

— Сомнение может быть опасным, если человек использует его вместо мышления. Но оно бывает полезным, когда помогает проверить собственное заблуждение.

— Значит, ты не боишься сомневаться?

— Я боюсь другого. Принять чужое мнение за истину только потому, что его запрещено проверять.

Второй мужчина перестал улыбаться.

Хасан почувствовал, что разговор становится опасным, и поспешил вмешаться:

— Омар приехал в Исфахан ради науки. Ему предстоит ещё многое увидеть и многому научиться.

Богослов не стал продолжать спор.

— Пусть Всевышний направит тебя на верный путь, молодой человек.

— И вам мира, — ответил Омар.

Когда они отошли, Хасан тихо сказал:

— Ты умеешь выбирать слова так, чтобы после них становилось неловко всем присутствующим.

— Я не хотел никого обидеть.

— Но обида не всегда зависит от твоего намерения.

Омар задумался.

— Неужели лучше было промолчать?

— Иногда да. Особенно когда ты ещё не знаешь, кто перед тобой.

— Но если человек спрашивает, разве он не должен быть готов услышать ответ?

Хасан остановился.

— Омар, запомни одну вещь. Власть не любит, когда её заставляют задумываться. Ей гораздо удобнее, когда люди заранее знают, что именно следует говорить.

— А мудрость?

— Мудрость, мой друг, должна уметь выживать среди людей.

Омар посмотрел на него.

— А если ради этого ей придётся отказаться от самой себя?

Хасан не ответил.

Они продолжили путь.

В тот вечер Омар долго сидел у окна и перебирал события последних дней. Он приехал в Исфахан с надеждой найти место для научной работы. Но уже теперь начинал понимать, что здесь ему придётся иметь дело не только с числами и звёздами.

Он увидел, как легко человек, обладающий властью, может превратить вопрос в испытание, а искренний ответ — в повод для подозрения.

И всё же Омар не хотел отказываться от своего пути.

Он достал лист бумаги и записал несколько мыслей. Не для того, чтобы предъявить их кому-нибудь, а чтобы самому не забыть, что именно привело его в этот город.

За окном Исфахан постепенно затихал. А в одном из дворцовых помещений уже лежали бумаги молодого учёного из Нишапура. Пока они не имели особого значения для людей, решавших судьбы государства. Но вскоре имя Омара Хайяма должно было прозвучать там, где даже самые осторожные слова приобретали цену.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ПРИГЛАШЕНИЕ ИЗ ДВОРЦА

Прошло несколько дней после того, как Омар передал свои труды придворным чиновникам. Он уже начал сомневаться, что получит ответ, когда однажды утром в караван-сарай прибыл молодой слуга в добротной одежде.

Он спросил Омара ибн Ибрахима аль-Хайяма и, убедившись, что нашёл нужного человека, протянул ему небольшой свиток с печатью.

— Тебя ожидают завтра после полуденной молитвы. Явиться следует к восточным воротам дворцового комплекса. Твоё имя внесено в список приглашённых.

— Кто желает меня видеть?

— Мне не поручено отвечать на такие вопросы.

— А если я захочу знать, к кому именно должен обратиться?

Слуга пожал плечами.

— Назови своё имя привратнику. Он знает, куда тебя направить.

Посыльный поклонился и удалился.

Омар ещё долго рассматривал печать. Она не была знакома ему, но сомнений в подлинности приглашения почти не оставалось.

Хасан, услышав новость, одобрительно хлопнул его по плечу.

— Вот видишь! Я же говорил, что терпение приносит пользу.

— Или просто проходит время.

— Не порть радость рассуждениями. Тебя приглашают во дворец. Это уже больше, чем ты мог рассчитывать несколько дней назад.

— Меня приглашают на беседу, а не на службу.

— Тем более. Значит, у тебя ещё есть возможность понравиться.

Омар улыбнулся.

Весь оставшийся день он готовился к встрече. Пересмотрел свои записи, выбрал несколько наиболее убедительных математических рассуждений, проверил расчёты и привёл в порядок дорожную одежду. Ему хотелось выглядеть достойно, но не производить впечатления человека, который пытается приобрести расположение богатством или внешней пышностью.

Вечером Хасан принёс ему чистую рубаху и пояс.

— Возьми. Моя одежда не сделает тебя учёным, но хотя бы избавит от необходимости думать о ней.

— Я не могу принять такую щедрость.

— Можешь. Иначе я обижусь.

Омар поблагодарил друга.

— Ты многое для меня сделал.

— Не преувеличивай. Я всего лишь помог человеку, с которым мне приятно разговаривать.

Они посидели ещё некоторое время, вспоминая дорогу из Нишапура. Потом Хасан поднялся.

— Завтра не старайся казаться умнее, чем ты есть.

— А если я окажусь умнее собеседников?

— Тогда особенно не старайся это показать.

Омар рассмеялся.

Ночь прошла беспокойно. Ему снились длинные коридоры, высокие двери и люди, лица которых он никак не мог запомнить. Проснувшись перед рассветом, он вышел во двор.

Небо было затянуто лёгкими облаками. Омар посмотрел вверх, но привычных звёзд не увидел.

Он подумал, что человеческая жизнь во многом похожа на такое небо. Даже если светила существуют, облака могут скрыть их от наблюдателя. Но это не означает, что они исчезли.

Утром он ещё раз проверил документы, сложил их в кожаную папку и отправился к дворцу.

Восточные ворота оказались массивными и высокими. По обе стороны стояли вооружённые стражники. Внутри виднелся просторный двор, где двигались слуги, чиновники и люди, ожидавшие приёма.

Омар назвал своё имя.

Привратник проверил список и жестом предложил ему пройти.

За воротами начиналась другая жизнь — жизнь, где даже случайная встреча могла изменить судьбу человека.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ТЕ, КТО СЛУШАЮТ СУЛТАНА

Омара провели в просторную комнату, где уже находились несколько человек.

Одни были одеты как учёные, другие — как придворные чиновники. На стенах висели ковры, в нишах стояли сосуды с водой, а через высокие окна проникал мягкий дневной свет.

Омар остановился у входа.

— Подойди, — произнёс пожилой мужчина, сидевший за небольшим столом.

Его звали Абу Мансур. Он занимал должность при дворе и отвечал за часть вопросов, связанных с научными учреждениями и образованными людьми, приглашёнными на службу султану.

— Ты из Нишапура?

— Да, господин.

— Говорят, ты занимаешься математикой и астрономией.

— Это так.

— Что привело тебя сюда?

— Желание продолжить исследования и возможность работать с людьми, обладающими необходимыми знаниями и инструментами.

Абу Мансур внимательно посмотрел на него.

— Ты знаешь, что султан Малик-шах интересуется наукой?

— Я слышал об этом.

— А знаешь, что его визирь Низам аль-Мульк уделяет большое внимание образованию?

— Да. Его имя известно далеко за пределами Исфахана.

— Тогда ты понимаешь, что находишься в месте, где твои способности могут получить применение.

Омар слегка склонил голову.

— Я надеюсь быть полезным.

— Хорошо. Расскажи, чем именно ты занимаешься.

Омар разложил перед собеседником несколько листов. Он объяснил свои математические наблюдения, рассказал о трудностях существующих астрономических расчётов и о необходимости более точных инструментов.

Абу Мансур слушал внимательно, иногда задавая вопросы. В отличие от некоторых чиновников, с которыми Омар уже встречался, он не торопился перебивать и не пытался показать собственное превосходство.

Когда беседа закончилась, мужчина отложил бумаги.

— Ты понимаешь, что научная работа при дворе отличается от занятий в медресе?

— Догадываюсь.

— Здесь у тебя появятся средства, помощники, доступ к книгам и возможность проводить наблюдения. Но от тебя будут ожидать результатов.

— Это справедливо.

— А если результаты потребуют больше времени, чем рассчитывали твои покровители?

— Тогда я должен буду объяснить причины.

— Не всегда объяснения удовлетворяют людей, принимающих решения.

Омар промолчал.

Абу Мансур поднялся и подошёл к окну.

— Ты ещё молод. Возможно, тебе кажется, что наука существует отдельно от государства. Но ни одна большая работа не обходится без поддержки. Чтобы построить обсерваторию, нужны деньги, мастера, материалы, охрана, разрешения. Всё это находится в руках людей, которые занимаются не только наукой.

— Я понимаю.

— Тогда запомни: умение вести расчёты ещё не означает умения вести дела.

Омар поклонился.

— Я постараюсь научиться.

В этот момент дверь открылась, и вошёл человек среднего роста с выразительным лицом и спокойными движениями. Присутствующие поднялись.

Абу Мансур приветствовал его и представил Омара.

— Это молодой учёный из Нишапура. Он занимается математикой и астрономией.

Незнакомец внимательно посмотрел на Омара.

— Как тебя зовут?

— Омар ибн Ибрахим аль-Хайям.

— Ты уже работал с астрономическими таблицами?

— Да, но считаю необходимым уточнить некоторые расчёты.

— Почему?

— Потому что наблюдения не всегда совпадают с результатами вычислений.

— Значит, ты полагаешь, что существующие таблицы нуждаются в исправлении?

— Я полагаю, что любое знание нуждается в проверке.

Мужчина улыбнулся.

— Это ответ учёного. Но знаешь ли ты, что не всякий человек, способный найти ошибку, способен предложить лучший способ её исправления?

— Знаю. Поэтому я и продолжаю исследования.

Незнакомец протянул ему руку.

— Меня зовут Абу-ль-Фатх. Я участвую в подготовке научных работ при дворе. Мне хотелось бы подробнее ознакомиться с твоими вычислениями.

Омар передал ему несколько листов.

— Ты можешь приходить сюда в ближайшие дни. Мы обсудим твои предложения и посмотрим, какую работу тебе можно поручить.

— Благодарю вас.

Абу-ль-Фатх задержал на нём взгляд.

— И ещё одно. Здесь ценят знания, но не любят поспешных выводов. Не пытайся доказать всё за один разговор.

— Я приехал не для того, чтобы победить в споре.

— Хорошо. Тогда, возможно, мы найдём общий язык.

Когда Омар покинул дворец, он почувствовал странную смесь радости и тревоги.

Перед ним открывалась возможность, о которой он мечтал. Но вместе с ней возникала новая ответственность. Теперь от его слов и расчётов могли зависеть не только личные успехи, но и доверие людей, готовых предоставить ему средства для работы.

Он вспомнил слова отца: не становись человеком, который считает себя выше других только потому, что знает больше.

И впервые понял, насколько важным может оказаться это наставление в мире, где каждый стремится показать своё превосходство.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ К НЕБОСВОДУ

В последующие дни Омар несколько раз посещал дворцовые помещения, где собирались учёные и чиновники, занимавшиеся вопросами науки.

Он познакомился с астрономами, математиками, переписчиками и мастерами, изготовлявшими инструменты для наблюдений. Каждый из них обладал собственными знаниями и привычками. Одни предпочитали старые методы, другие охотно принимали новые идеи. Некоторые относились к молодому учёному с интересом, другие — с плохо скрываемым недоверием.

Омар не торопился делать выводы.

Он внимательно изучал имеющиеся таблицы, сравнивал расчёты, задавал вопросы и записывал замечания. Постепенно ему становилось ясно, что при дворе действительно существовали люди, способные оценить научную работу не только по внешней убедительности.

Однажды Абу-ль-Фатх пригласил его на беседу.

— Мы рассмотрели твои записи, — сказал он. — В некоторых местах ты поднимаешь интересные вопросы. Но прежде чем поручить тебе самостоятельную работу, мы хотели бы проверить, насколько уверенно ты владеешь математическим аппаратом.

— Я готов.

На стол положили несколько задач, связанных с геометрическими построениями и вычислениями. Омар внимательно изучил их и приступил к решению.

Он работал спокойно, не пытаясь торопиться. Время от времени останавливался, проверял промежуточные результаты и возвращался к отдельным шагам.

Когда работа была закончена, один из присутствующих взял листы и начал проверять вычисления.

— Здесь всё верно, — произнёс он после продолжительного молчания.

Другой учёный указал на одну из задач.

— А почему ты выбрал именно этот способ решения?

Омар объяснил свои рассуждения.

— Можно было пойти другим путём, — заметил собеседник.

— Можно. Но мне показалось, что этот способ позволяет яснее увидеть взаимосвязь между величинами.

Учёный кивнул.

Абу-ль-Фатх отложил листы.

— Мы хотели бы предложить тебе участие в подготовке астрономических исследований. Пока речь идёт о предварительной работе. В дальнейшем, если султан утвердит необходимые средства, возможно создание специального учреждения для систематических наблюдений.

Омар почувствовал, как внутри него поднимается радость.

— Я согласен.

— Не торопись. Работа будет непростой. Тебе придётся взаимодействовать с людьми разных взглядов, соблюдать сроки и представлять результаты.

— Я понимаю.

— Тогда завтра тебе сообщат подробности.

Омар вышел из дворца и долго шёл по улицам Исфахана.

Город уже не казался ему чужим. Он начал узнавать торговые лавки, небольшие площади, мастерские и дороги, ведущие к караван-сараям. Но главным изменением было другое: теперь он ощущал себя не просто приезжим, ищущим возможность применить знания, а человеком, которому доверили часть большой работы.

Вечером он вернулся к Хасану.

Тот сразу заметил перемену в его настроении.

— Ну что? Судя по твоему лицу, тебя не отправили обратно в Нишапур.

— Мне предложили участвовать в научных исследованиях.

Хасан поднял чашу.

— Тогда выпьем за твой успех!

— Пока рано праздновать.

— Ты неисправим. Даже хорошую новость пытаешься превратить в сомнение.

Омар рассмеялся.

Они долго разговаривали о будущем. Хасан строил планы, представлял, как его друг станет известным учёным, будет принимать гостей и получит возможность путешествовать по разным землям.

Омар слушал, но не разделял его восторга полностью.

— Я хочу заниматься наукой, Хасан. Не хочу, чтобы моё имя стало важнее того, что я делаю.

— А если станет?

— Тогда придётся напоминать себе, ради чего я начинал.

— Это нелегко.

— Знаю.

Поздно вечером Омар вышел на крышу караван-сарая.

Над Исфаханом сияли звёзды. Он узнал несколько созвездий, отметил их положение и мысленно сравнил с тем, что наблюдал над Нишапуром.

Небо не изменилось. Но теперь между ним и звёздами возникла новая связь: возможность наблюдать, вычислять, сопоставлять и проверять свои предположения вместе с другими учёными.

Он вспомнил отца, учителя, Хасана и всех людей, которых встретил на дороге.

Каждый из них по-своему помог ему добраться сюда. И теперь он понимал, что его путь только начинается.

Внизу шумел большой город. Где-то спорили торговцы, где-то молились, где-то рождались дети и кто-то прощался с близкими. В дворцовых помещениях люди готовили распоряжения, от которых зависели судьбы тысяч людей. А над всем этим продолжали двигаться небесные тела, не обращая внимания ни на царей, ни на учёных, ни на человеческие тревоги.

Омар долго смотрел на звёзды.

Ему предстояло узнать, что власть может даровать возможности и отнимать свободу, что дружба иногда требует мужества, а любовь не всегда приходит в ту пору, когда человек готов её принять. Он ещё не знал, какие испытания ждут его впереди.

Но одно он уже понимал: человек не становится мудрым только потому, что получает доступ к знаниям. Мудрость начинается тогда, когда он осознаёт границы собственного понимания и не перестаёт искать.

В ту ночь Омар впервые почувствовал, что нашёл дверь, за которой начинается дело всей его жизни. И он ещё не знал, какой высокой окажется цена этого открытия.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — ПОД НЕБОМ ВЛАСТИ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВЗГЛЯД СУЛТАНА

Дворец встретил Омара Хайяма тишиной, которая казалась куда более выразительной, чем шум многолюдного базара. За высокими воротами остались крики торговцев, скрип телег, запах пряностей и пыль дорог. Здесь всё подчинялось иному порядку: шаги стражников были размеренными, слуги двигались почти бесшумно, а люди, ожидавшие аудиенции, говорили вполголоса, словно опасались, что даже каменные стены могут передать услышанное хозяину дворца.

Омар шёл рядом с сопровождавшим его придворным чиновником. Он не торопился и не оглядывался по сторонам с любопытством приезжего. Ему доводилось бывать в богатых домах, видеть роскошные одежды и драгоценные украшения, но дворцовая пышность не вызывала у него особого восхищения. Он замечал другое: как низко кланялись одни, как старались не встречаться глазами другие, как внимательно следили за каждым движением те, кто привык угадывать чужую волю прежде, чем она будет произнесена.

— Здесь следует помнить о положении каждого человека, — негромко сказал чиновник, когда они остановились перед очередной дверью. — Не всякий вопрос уместен, не всякое молчание безопасно.

— А всякий ответ безопасен? — спросил Омар.

Чиновник бросил на него быстрый взгляд.

— Во дворце безопаснее всего отвечать так, как от тебя ожидают.

— Тогда зачем задавать вопросы?

Сопровождающий не ответил. Он лишь расправил складки своего одеяния и велел слуге доложить о прибытии гостя.

Вскоре двери открылись.

Омар вошёл в просторный зал, освещённый высокими окнами. На стенах поблёскивали узоры, в нишах стояли сосуды с благовониями, а на полу лежали ковры, каждый из которых, вероятно, стоил больше, чем годовой доход небольшой семьи. У дальней стены, на возвышении, находился султан Малик-шах. Рядом с ним стоял человек зрелого возраста, чьё спокойное лицо и внимательный взгляд выдавали привычку не только слушать, но и оценивать услышанное. Это был Низам аль-Мульк, могущественный визирь, чьё влияние распространялось далеко за пределы дворцовых покоев.

Омар поклонился в соответствии с обычаем, но не стал изображать смирение, которого не чувствовал.

— Передо мной человек, о котором говорят как о знатоке чисел и небесных движений, — произнёс султан. — Говорят, ты способен находить порядок там, где другие видят лишь беспорядок.

— Иногда порядок существует, даже если мы его ещё не нашли, — ответил Омар.

— А иногда его нет вовсе?

— Иногда человек принимает собственное незнание за отсутствие порядка.

Низам аль-Мульк едва заметно улыбнулся. Султан некоторое время рассматривал гостя.

— Ты говоришь смело.

— Я стараюсь говорить точно, повелитель. Смелость иногда появляется сама собой, когда человек не успевает испугаться.

— И чего же ты боишься?

Омар не ответил сразу. Он понимал, что вопрос этот не был простым проявлением любопытства. Во дворце даже разговор о страхе мог оказаться проверкой.

— Ошибиться и принять ошибку за истину, — наконец произнёс он. — А ещё боюсь прожить жизнь так, чтобы ни разу не попытаться понять то, что действительно важно.

Султан откинулся на спинку сиденья.

— Многие приходят ко мне с просьбами. Одни просят должностей, другие — денег, третьи хотят, чтобы их имена запомнили потомки. А ты чего хочешь?

— Возможности работать.

— Только этого?

— Возможности работать так, чтобы не приходилось каждый день думать о том, чем заплатить за хлеб, и не приходилось отказываться от исследования ради чужого самолюбия.

Низам аль-Мульк посмотрел на него внимательнее.

— Ты хочешь покоя для мысли, но пришёл за ним к людям, у которых никогда не бывает покоя.

— Я пришёл не за покоем, визирь. Я пришёл за условиями, в которых труд не будет напрасным.

Малик-шах поднял руку, останавливая возможный ответ визиря.

— Мне рассказывали, что ты занимаешься математикой, астрономией и составлением календарей. Что именно ты можешь предложить государству?

— Если говорить о пользе, то точные вычисления помогают определять время, составлять календарь, предсказывать небесные явления, измерять землю и рассчитывать сооружения. Если говорить о знаниях, то они помогают человеку понять, насколько мало он знает.

— Последнее не слишком полезно для правителя, — заметил султан.

— Возможно, повелитель. Но правителю опасно окружать себя людьми, которые уверены, будто знают всё.

В зале стало тихо. Несколько придворных опустили глаза. Омар почувствовал, что перешёл границу, которую другие предпочли бы даже не приближать. Однако султан не разгневался. Напротив, в его взгляде появилось что-то похожее на заинтересованность.

— Низам аль-Мульк говорил мне о твоих трудах, — произнёс он. — Он считает, что учёные должны иметь возможность заниматься своим делом, а государство должно поддерживать их.

— Тогда государству повезло с визирем, — ответил Омар.

— Не торопись с похвалами, — сказал Низам аль-Мульк. — Я ещё не сделал для тебя ничего такого, за что ты был бы обязан меня благодарить.

— Я благодарю не за сделанное, а за намерение, если оно искреннее.

Визирь чуть склонил голову. Султан улыбнулся.

— Хорошо. Нам нужны люди, способные мыслить не только о сегодняшнем дне. Я хочу, чтобы мои владения были сильны не одним мечом. Пусть здесь будут собраны знания, которые переживут правителей и их войны.

Омар посмотрел на султана.

— Тогда следует начать с того, чтобы дать учёным право спорить друг с другом.

— Они и без того спорят слишком много, — усмехнулся Малик-шах.

— Значит, им не хватает времени, чтобы проверить свои доводы.

Султан рассмеялся. Смех его оказался неожиданно простым, почти мальчишеским, и напряжение в зале немного ослабло.

— Низам, — обратился он к визирю, — займись этим человеком. Узнай, что ему требуется для работы. Пусть он представит свои предложения. Если его знания принесут пользу, мы найдём им достойное применение.

— Будет исполнено, повелитель.

Аудиенция закончилась. Омар поклонился и направился к выходу. Уже за дверями он услышал, как один из придворных негромко произнёс:

— Необычный человек. Не похож на тех, кто ищет милости.

— Потому и опасный, — ответил другой.

Омар не обернулся. Он не знал, было ли это сказано с уважением или с осуждением. Но впервые за долгое время перед ним открывалась возможность работать в масштабе, о котором он прежде мог только мечтать.

И всё же, покидая дворец, он думал не о султанских обещаниях. Его занимал один вопрос: если власть даёт человеку возможность искать истину, вправе ли она потом потребовать, чтобы найденная истина служила только ей?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ЦЕНА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА

На следующий день Омар получил приглашение посетить дом Низам аль-Мулька. Это было не официальное заседание и не продолжение дворцовой аудиенции. Визирь хотел поговорить с ним без свидетелей, не скрываясь за придворными церемониями.

Дом визиря был просторным, но не столь показно роскошным, как султанский дворец. В нём чувствовалась рука человека, который привык управлять большими делами и не нуждался в том, чтобы каждую минуту напоминать окружающим о своём положении. На столах лежали рукописи, в отдельных комнатах работали переписчики, а в небольшом внутреннем саду, под тенью деревьев, несколько молодых людей обсуждали прочитанные книги.

Низам аль-Мульк встретил Омара без долгих приветствий.

— Я хочу понять, чего ты добиваешься, — сказал он. — Не того, что ты говорил султану, а того, что действительно намерен сделать.

— Я хочу заниматься математикой и астрономией.

— Это я уже слышал. Но человек не живёт одной наукой. Ему нужны помощники, инструменты, книги, помещение, средства. Всё это требует денег и распоряжений. А распоряжения исходят от власти.

— Я понимаю.

— Не уверен, что понимаешь до конца. Покровительство — не подарок, который можно принять, а затем забыть о дарителе. Оно связывает людей обязательствами.

Омар сел напротив визиря.

— Я готов отвечать за свою работу. Но не хочу обещать результаты, которые зависят не от меня.

— Это разумно. Однако мне нужно знать, насколько далеко ты готов зайти ради своего дела.

— Если вы спрашиваете, готов ли я трудиться, то ответ положительный. Если спрашиваете, готов ли я отказаться от собственных убеждений ради удобства, то нет.

Низам аль-Мульк внимательно посмотрел на него.

— Ты ещё молод, чтобы считать убеждения неподвижными. Жизнь заставляет человека пересматривать многое.

— Пересматривать — не значит предавать.

— А если твои убеждения вступят в противоречие с интересами государства?

— Тогда придётся выяснять, действительно ли это интересы государства или только интересы тех, кто говорит от его имени.

Визирь некоторое время молчал. Затем подошёл к окну. Во дворе садовник поливал цветы, и вода тонкой струёй стекала по каменным бороздкам.

— Я видел немало людей, — заговорил Низам аль-Мульк. — Одни были умны, но трусливы. Другие — смелы, но неразумны. Третьи умели говорить так, что каждый слушатель слышал именно то, что хотел услышать. Последние обычно добиваются большего всех. Но я не уверен, что они приносят пользу.

— Они приносят пользу тем, кто умеет ими пользоваться, — заметил Омар.

— А ты, значит, не умеешь быть полезным?

— Я надеюсь быть полезным, но не хочу становиться удобным.

Визирь повернулся к нему.

— Это две разные вещи?

— Очень разные. Полезный человек может возразить, если видит ошибку. Удобный промолчит, даже если ошибка приведёт к беде.

Низам аль-Мульк вернулся к столу и сел.

— Хорошо. Давай говорить о деле. Мне известно, что ты исследуешь геометрию, решаешь сложные уравнения, интересуешься движением небесных тел. Ты считаешь, что математика может помочь нам создать более точный календарь?

— Не просто считаю. Я уверен, что существующие календарные расчёты нуждаются в уточнении. Год, который мы используем в вычислениях, должен как можно точнее соответствовать действительному движению Земли вокруг Солнца. Ошибка в малой величине со временем превращается в значительное расхождение.

— И как ты предлагаешь это исправить?

Омар достал из своей сумки несколько листов с расчётами. На них были нанесены таблицы, геометрические построения и заметки, сделанные его рукой.

— Необходимо организовать длительные наблюдения, сопоставлять их с вычислениями, проверять результаты и не торопиться объявлять вывод окончательным. Для этого нужны точные инструменты и люди, которые умеют ими пользоваться.

— Сколько людей?

— Не знаю. Это зависит от масштаба работы. Но один человек не может вести наблюдения, рассчитывать таблицы, проверять чужие вычисления и одновременно обучать помощников. Нужны астрономы, математики, мастера инструментов, переписчики. И нужна библиотека, где книги будут не украшением стен, а рабочим материалом.

— Ты хочешь создать целый дом науки.

— Я хочу создать место, где учёный не будет одинок.

Визирь взял один из листов и долго рассматривал расчёты.

— Ты понимаешь, что всё это потребует немалых средств?

— Да.

— И что султан может потерять интерес, если работа не принесёт быстрого результата?

— Наука не всегда подчиняется срокам, удобным для правителей.

— Вот это тебе придётся объяснять не только мне.

Омар улыбнулся.

— Тогда я постараюсь объяснять терпеливо.

Низам аль-Мульк отложил листы.

— Я поддержу твой проект. Мы подберём помещение, обеспечим необходимое оборудование, пригласим людей, способных работать вместе с тобой. Но у меня есть одно условие.

Омар не изменился в лице, хотя внутренне насторожился.

— Какое?

— Ты будешь представлять результаты своей работы. Не только мне, но и султану. Я не прошу тебя хвалить власть. Я прошу показывать, что вложенные средства не пропадают впустую.

— Это справедливо.

— И ещё. Во дворце найдутся люди, которые станут задавать тебе вопросы о вере, судьбе, устройстве мира. Некоторые будут искренне заинтересованы. Другие захотят проверить, насколько далеко ты готов зайти в своих рассуждениях. Не путай любопытство с доброжелательностью.

— Я не собираюсь искать ссоры.

— Иногда ссора сама находит человека.

Омар поднял глаза.

— Значит, нужно научиться отличать спор от вражды.

— Это не всегда возможно.

— Но необходимо пытаться.

Визирь впервые за разговор улыбнулся открыто.

— Думаю, мы сможем договориться.

Они ещё долго обсуждали устройство будущей работы. Низам аль-Мульк расспрашивал о книгах, приборах, способах наблюдения и людях, которых можно было бы привлечь. Омар говорил спокойно, но с каждым новым вопросом его голос становился живее. Он словно видел

перед собой не комнаты, не столы и не стены, а огромное пространство, где человеческий разум сможет работать, не оглядываясь каждую минуту на повседневные заботы.

Когда беседа закончилась, визирь проводил гостя до дверей сада.

— Ты получил возможность, о которой многие мечтают, — сказал он. — Не упусти её.

— Я постараюсь.

— И помни: покровительство может защитить тебя от бедности, но не обязательно защитит от зависти.

— Зависть не всегда можно победить, — ответил Омар. — Но можно не давать ей управлять своими поступками.

Выйдя на улицу, он остановился у ворот. Город жил своей обычной жизнью. Мальчик нёс корзину с хлебом, старик торговался с продавцом ткани, двое ремесленников спорили о цене древесины. Никто из них не знал, что в одном из домов только что обсуждалось создание научного учреждения, которое могло изменить представления людей о времени.

Омар подумал о том, что наука тоже нуждается в покровителях, но никогда не должна становиться их собственностью. Иначе однажды вместо истины начнут искать подтверждение тому, что уже решено считать истиной.

Он ещё не знал, сколько сил потребует это различие.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

КОГДА ЗВЁЗДЫ СТАНОВЯТСЯ БЛИЖЕ

Первые дни после разговора с визирем прошли в хлопотах. Омар осматривал предложенные помещения, встречался с мастерами, обсуждал устройство измерительных инструментов и составлял перечень книг, необходимых для будущей работы. Ему приходилось говорить с людьми самых разных занятий: с каменщиками, плотниками, изготовителями металлических деталей, переписчиками, служителями дворца и учёными, которых приглашали из других городов.

Не все понимали, зачем нужны столь сложные приготовления.

Один мастер, выслушав объяснения Омара о большом угломерном инструменте, недоверчиво покачал головой.

— Не проще ли купить готовый?

— Если бы готовый прибор отвечал всем нашим требованиям, мы бы так и поступили.

— А чем он плох?

— Его точности недостаточно.

— Но ведь им уже пользовались другие.

— Другие могли довольствоваться меньшей точностью.

Мастер пожал плечами.

— Учёные всегда находят, к чему придраться.

— А мастера всегда находят, что можно сделать лучше, — ответил Омар.

Тот рассмеялся и согласился продолжить работу.

Постепенно вокруг Хайяма собирались люди. Одни приходили по рекомендации визиря, другие — по собственной инициативе. Среди них были опытные наблюдатели, молодые математики, люди, умевшие обращаться с инструментами, и те, кто только начинал свой путь в науке. Омар старался разговаривать с каждым, не спрашивая прежде всего о происхождении и положении. Его интересовало, что человек умеет, насколько внимательно относится к делу и способен ли признать собственную ошибку.

Особенно ему понравился молодой переписчик по имени Юсуф. Тот обладал хорошей памятью, быстро схватывал смысл сложных текстов и не стеснялся задавать вопросы.

Однажды, разбирая рукопись с астрономическими таблицами, Юсуф остановился на нескольких строках.

— Учитель, здесь ошибка.

— Где?

— В вычислении положения светила. Если я правильно понял предыдущие строки, здесь должно быть другое значение.

Омар взял рукопись, проверил расчёт и некоторое время молчал.

— Ты прав.

Юсуф удивлённо посмотрел на него.

— Значит, я не ошибся?

— На этот раз нет.

— Я боялся возразить.

— Почему?

— Рукопись старая. Её переписывали многие поколения учёных. Я подумал, что не имею права сомневаться в том, что проверяли до меня.

Омар положил лист на стол.

— Запомни, Юсуф: возраст книги не делает каждую её строку истинной. И имя великого учёного не освобождает его от возможности ошибиться. Уважать знание — не значит поклоняться написанному.

— Но если каждый начнёт сомневаться во всём, как мы сможем чему-нибудь научиться?

— Сомнение должно быть не разрушением, а началом проверки. Если ты сомневаешься и не ищешь ответа, ты просто отказываешься верить. Если сомневаешься и исследуешь, ты приближаешься к знанию.

Юсуф задумался.

— Получается, учёный обязан сомневаться?

— Он обязан быть честным перед тем, что исследует. Иногда честность требует сомнения, иногда — признания очевидного, а иногда — долгого молчания, пока не появятся доказательства.

Эти слова молодой переписчик запомнил надолго.

Тем временем подготовка к наблюдениям продвигалась. Омар всё чаще поднимался на площадку, откуда открывался широкий обзор неба. Там ещё не было всех необходимых инструментов, но уже можно было оценить условия, выбрать направление для наблюдений и определить, как лучше разместить будущие устройства.

Вечером, когда город постепенно погружался в темноту, он подолгу оставался наверху один.

Звёзды появлялись не сразу. Сначала над крышами загорался одинокий свет, затем другой, и наконец весь небосвод начинал напоминать бесконечную книгу, написанную знаками, которые человек пока не научился читать до конца.

Омар знал названия многих созвездий, мог объяснить движение планет, рассчитать положения светил. Но чем больше он узнавал, тем сильнее ощущал величие неизвестного.

В один из таких вечеров к нему поднялся Низам аль-Мульк.

— Я слышал, ты проводишь здесь больше времени, чем в отведённых тебе покоях, — заметил визирь.

— Здесь легче думать.

— А мне казалось, для размышлений нужны книги.

— Книги рассказывают о том, что увидели другие. Небо позволяет проверить, насколько верно они увидели.

Визирь подошёл к краю площадки.

— Ты действительно считаешь, что человек способен постичь устройство мира?

— Частично. И, возможно, никогда не постигнет его полностью.

— Тогда зачем стремиться к невозможному?

Омар посмотрел на него.

— Разве человек перестаёт идти только потому, что не видит конца дороги?

— Но дорога может привести не туда.

— Поэтому нужно смотреть, куда ступаешь.

Низам аль-Мульк некоторое время молчал. Потом спросил:

— Ты веришь, что всё на свете предопределено?

Омар не сразу ответил. Он знал, что этот вопрос способен открыть спор, в котором каждый будет защищать не только свои убеждения, но и собственное представление о мире.

— Я думаю, что человек слишком мало знает, чтобы уверенно говорить о пределах собственной свободы, — произнёс он. — Мы рождаемся не по своему выбору, оказываемся в обстоятельствах, которых не создавали, встречаем людей, которых не искали. Но внутри этих обстоятельств всё равно принимаем решения. И именно за них отвечаем.

— А если и решения предопределены?

— Тогда нам всё равно придётся прожить их так, словно они принадлежат нам. Иначе мы превратим жизнь в ожидание приговора.

Визирь посмотрел на звёзды.

— Ты умеешь превращать простой вопрос в длинное рассуждение.

— Возможно, потому, что простых вопросов почти не бывает.

Низам аль-Мульк усмехнулся.

— Надеюсь, с приборами ты справляешься лучше, чем с ответами.

— Приборы не обижаются, когда их проверяют.

— А люди?

— Люди иногда принимают проверку своих слов за нападение на собственную честь.

— В том числе и правители?

— Особенно те, кто привык считать, что их слова не нуждаются в проверке.

Визирь повернулся к нему. На этот раз он не улыбался.

— Будь осторожен, Омар.

— Я стараюсь.

— Не всякий, кто слушает тебя, желает понять.

— Я уже начинаю это замечать.

Они стояли молча. Внизу зажигались огни, на улицах звучали голоса, где-то далеко стучал молоток — ремесленник продолжал работу, не обращая внимания на наступившую ночь.

— Когда всё будет готово, — сказал Низам аль-Мульк, — тебе предстоит не только наблюдать за небом. Султан хочет, чтобы твои труды имели практическое значение. Он ожидает нового календаря.

— Я знаю.

— Это серьёзная задача.

— Именно поэтому я хочу взяться за неё.

— И сколько времени тебе потребуется?

Омар посмотрел на звёзды, словно ответ мог находиться там.

— Столько, сколько потребуется, чтобы не обмануть ни себя, ни тех, кто будет пользоваться результатами.

— Ты понимаешь, что султан может не захотеть ждать?

— Тогда мне придётся объяснить ему, что небесные тела не меняют своего движения ради человеческого нетерпения.

Визирь тихо рассмеялся.

— Надеюсь, ты найдёшь более дипломатичный способ сказать это.

— Постараюсь.

Когда Низам аль-Мульк ушёл, Омар ещё долго не покидал площадку. Он думал о предстоящей работе, о людях, которые собрались вокруг него, о доверии визиря и ожиданиях султана. Всё это было важно, но не являлось главной целью.

Главная цель находилась выше дворцовых стен, выше человеческих споров, выше славы и богатства.

Он хотел понять время.

Не то время, которое измеряют часы и календари, а то, которое уносит человеческую жизнь, превращает юность в воспоминание, а великие державы — в пыль на страницах истории. Он хотел найти закономерность в движении небесных тел, но всё чаще задавался вопросом о движении самого человека: почему один проживает долгую жизнь и ничего не оставляет после себя, а другой за короткие годы успевает изменить представление целых поколений?

Омар понимал, что ни один математический расчёт не даст полного ответа на этот вопрос. Но, возможно, именно поэтому он и не мог от него отказаться.

Над горизонтом поднялась яркая звезда. Он проследил её положение, запомнил время и сделал короткую запись.

Работа начиналась.

И впервые за долгое время ему показалось, что расстояние между человеком и небом стало немного меньше. Не потому, что звёзды приблизились, а потому, что человеческий разум сделал ещё один шаг навстречу неизвестному.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ИЩУТ ИСТИНУ

Работа над будущим научным центром постепенно приобретала реальные очертания. В помещениях, ещё недавно пустовавших и пахнувших сырой штукатуркой, появились столы, книжные полки, чертёжные доски и ящики с инструментами. Мастера приносили изготовленные детали, переписчики разбирали рукописи, а приглашённые учёные знакомились с условиями предстоящей работы.

Омар Хайям внимательно следил за каждым этапом. Он не любил, когда дело начиналось с громких обещаний, а затем терялось среди бесконечных обсуждений. Поэтому старался, чтобы у каждого человека была определённая задача и чтобы никто не считал собственное мнение важнее общего результата.

Однако довольно скоро выяснилось, что собрать учёных под одной крышей гораздо легче, чем заставить их работать сообща.

Первым это почувствовал молодой математик по имени Фарид, прибывший из Исфахана. Он был образован, обладал хорошей памятью и знал труды многих авторитетных учёных. Но в разговорах часто ссылался на древние имена так, словно само упоминание великого предшественника должно было завершить любой спор.

На одном из первых совещаний обсуждался способ проверки вычислений, связанных с движением небесных тел. Фарид предложил принять за основу существующие таблицы и ограничиться небольшими поправками.

— Мы не должны начинать с сомнения во всём, что создано до нас, — заявил он. — Иначе придётся заново доказывать каждое положение геометрии.

— Никто не предлагает заново доказывать очевидное, — ответил Омар. — Но если наблюдение противоречит таблице, мы обязаны проверить таблицу.

— А если ошибка не в таблице, а в наблюдателе?

— Тогда следует проверить наблюдателя.

— А если ошибается сам инструмент?

— Проверить инструмент.

Фарид слегка улыбнулся.

— Получается, ты предлагаешь сомневаться во всём.

— Нет. Я предлагаю проверять то, что может оказаться ошибочным.

За столом сидели ещё несколько человек. Одни внимательно слушали, другие делали записи. Юсуф, молодой переписчик, которого Омар уже успел заметить благодаря его добросовестности, сидел у стены и старался не пропустить ни слова.

Фарид продолжал:

— Но ведь невозможно бесконечно проверять одно и то же. Наука должна опираться на авторитеты.

— Наука должна опираться на доказательства, — спокойно сказал Омар. — Авторитет может указать нам дорогу, но не должен запрещать идти дальше.

В разговор вмешался пожилой астроном, прибывший из другого города.

— Молодой человек, ты говоришь так, словно прежде никто не наблюдал небо и не составлял таблиц.

— Я говорю с уважением к тем, кто трудился до нас. Но уважение не требует повторять их ошибки.

Старик нахмурился, однако возражать не стал.

Совещание продолжилось. В конце концов было решено провести дополнительные наблюдения и сравнить результаты нескольких методов вычислений. Фарид принял это решение без особого энтузиазма, но подчинился общему порядку.

После встречи он задержался в комнате.

— Ты быстро приобрёл влияние среди этих людей, — сказал он Омару.

— Я не стремлюсь приобретать влияние.

— Но оно появляется независимо от твоих желаний.

— Если люди доверяют мне, я должен оправдать это доверие работой.

Фарид посмотрел на него с выражением, в котором смешались уважение и недоверие.

— Ты счастливчик. Сам визирь поддерживает твои начинания.

— Поддержка визиря не избавляет меня от необходимости доказывать свои слова.

— Не все здесь смогут позволить себе такую независимость.

— Тогда пусть каждый сохраняет ту независимость, которую способен защитить.

Фарид покинул помещение, не ответив.

Омар проводил его взглядом. Он понимал, что не всякое несогласие рождается из зависти. Иногда человек действительно боится разрушить то, чему посвятил всю жизнь. Но существовала и другая опасность: когда учёный начинал защищать не истину, а собственное положение среди тех, кто привык считать его непогрешимым.

Вечером Омар встретился с Юсуфом. Молодой переписчик раскладывал рукописи по полкам и тщательно сверял названия.

— Ты сегодня был очень внимателен, — заметил Хайям.

— Я старался понять, кто из вас прав.

— И к какому выводу пришёл?

— Пока не знаю. Но мне кажется, что вы оба боитесь потерять что-то важное. Фарид — доверие к прежним знаниям, а вы — возможность найти новое.

Омар улыбнулся.

— Неплохое наблюдение.

— Значит, я ошибся?

— Нет. Но есть ещё одна вещь. Мы должны бояться не потерять прежнее знание, а потерять способность отличать знание от привычки.

Юсуф задумался.

— А как это сделать?

— Каждый раз, когда тебе предлагают готовый ответ, спроси себя, на чём он основан. Если на доказательстве — изучи доказательство. Если на имени — уважай имя, но продолжай искать основание.

Молодой человек кивнул.

Омар подошёл к окну. За ним уже сгущались сумерки. В соседнем помещении слышались голоса мастеров, обсуждавших устройство металлической конструкции. Работа продолжалась, и это радовало его больше любых похвал.

Он ещё не знал, что спор с Фаридом окажется лишь первым из многих. Вскоре ему предстояло столкнуться с людьми, для которых научное учреждение было не местом поиска истины, а возможностью приблизиться к дворцу, получить должность и приобрести влияние.

И всё же Омар не хотел отступать. Он понимал, что настоящее научное сообщество не может состоять из людей, одинаково мыслящих и никогда не спорящих. Оно должно объединять тех, кто способен разойтись во мнениях, но остаться вместе ради общего дела.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ДВОРЦА

Однажды, завершив очередной день работы, Омар решил пройтись по городу. Последние недели он почти не покидал дворцового квартала. Его дни были заполнены расчётами, переговорами, чтением рукописей и встречами с людьми, от которых зависело устройство будущего научного центра.

Но город за стенами дворца жил собственной жизнью, и Хайям чувствовал, что начинает отдаляться от него.

Он снял дорогую верхнюю одежду, оставив простое одеяние, и отправился по знакомым улицам. Его сопровождал только один слуга, однако Омар вскоре отпустил и его. Ему хотелось идти одному, останавливаться у торговых лавок, слушать разговоры и смотреть на людей, не ощущая за спиной присутствия человека, обязанного следить за его безопасностью.

На базаре было шумно. Купцы расхваливали товары, покупатели спорили о цене, носильщики прокладывали себе дорогу среди толпы. В воздухе смешивались запахи жареного мяса, хлеба, сухофруктов и благовоний.

У одной из лавок Хайям остановился, услышав спор двух мужчин.

— Ты обещал вернуть деньги ещё месяц назад! — возмущался торговец.

— Я не отказываюсь. Просто сейчас у меня нет возможности.

— А когда ты покупал товар, возможность была?

— Тогда я надеялся, что продам его быстро.

— Значит, твоя надежда должна оплачивать мои убытки?

Омар невольно улыбнулся. В этих словах было больше житейской философии, чем в некоторых придворных беседах.

Он пошёл дальше и вскоре увидел небольшую мастерскую, где пожилой ремесленник чинил медную посуду. Рядом с ним сидел мальчик, внимательно наблюдавший за работой.

— Ты давно этим занимаешься? — спросил Омар, остановившись у входа.

Мастер поднял голову.

— С тех пор, как руки мои стали достаточно сильными, чтобы держать молоток.

— И тебе не надоело?

Старик усмехнулся.

— Человеку может надоесть плохая работа. Хорошая не надоедает, даже если повторяешь её тысячу раз.

— А мальчик твой ученик?

— Внук. Пока только смотрит. Но скоро начнёт.

Мальчик поднял глаза.

— Дедушка говорит, что медь можно заставить снова стать красивой.

— А ты ему веришь? — спросил Омар.

— Верю. Я видел, как он исправил чашу, которую все считали испорченной.

Старик рассмеялся.

— Вот видишь, учёный? Ребёнку достаточно одного примера, а взрослому иногда и тысячи мало.

Омар поблагодарил их и пошёл дальше.

Немного погодя он остановился возле небольшой чайной. Там сидели несколько человек, среди которых оказался знакомый ему торговец, некогда встреченный на дороге. Тот узнал Омара и радостно поднялся.

— Вот так встреча! Я слышал, ты теперь находишься при дворе султана.

— Иногда бываю там, — ответил Хайям.

— Значит, стал большим человеком.

— Не думаю, что стены дворца способны сделать человека большим.

Торговец рассмеялся и предложил ему присесть.

За столом говорили о ценах, налогах, урожае и дорогах. Один из присутствующих жаловался, что сборщики требуют всё больше денег, а другой рассказывал о караване, который задержали на пути из-за разногласий между местными властями.

Омар слушал, почти не вмешиваясь. Он привык видеть государство глазами правителей и учёных, но здесь перед ним открывалось другое измерение власти — повседневное. Для одних решения султана были строками в указах, для других — стоимостью хлеба, возможностью прокормить семью и безопасностью дороги, по которой шёл товар.

— Ты ведь теперь работаешь с визирем? — спросил торговец.

— Мы обсуждаем научные дела.

— Тогда скажи ему, чтобы дороги стали безопаснее. Это было бы полезнее многих звёзд.

Омар посмотрел на собеседника.

— Ты думаешь, звёзды бесполезны?

— Нет. Но по звёздам нельзя вернуть украденный товар.

— Верно. Однако знание неба помогает определить путь, а знание земли — сделать этот путь безопаснее.

— Значит, учёные всё-таки могут быть полезны купцам?

— Если научатся понимать, что купцы тоже живут на этой земле.

Разговор перешёл на другие темы. Когда Омар наконец покинул чайную, вечер уже опустился на город.

Он шёл медленно, размышляя о услышанном. Во дворце его спрашивали, какую пользу принесёт наука государству. Здесь люди задавали тот же вопрос, только выражали его иначе. Им было всё равно, сколько рукописей соберут учёные и какие почётные звания получат их руководители. Они хотели жить без постоянного страха перед произволом, торговать без опасения потерять товар, растить детей и быть уверенными, что завтрашний день не принесёт им очередного разорения.

Омар подумал, что настоящая мудрость начинается тогда, когда человек перестаёт считать собственные заботы единственными важными.

Возвращаясь к месту своей работы, он встретил молодого служителя дворца, который торопливо направлялся ему навстречу.

— Господин Хайям! Вас искали. Визирь просил передать, что завтра утром ожидает вас.

— Что-нибудь случилось?

— Мне не сообщили. Только велели передать, чтобы вы пришли без опоздания.

Омар поблагодарил служителя и продолжил путь.

Он ещё не знал, что завтрашняя встреча станет началом нового этапа его отношений с дворцом. Но после сегодняшней прогулки он был уверен в одном: если его знания действи-

тельно должны приносить пользу, они не могут существовать только ради тех, кто сидит на возвышениях.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

На следующий день Омар прибыл к Низам аль-Мульку рано утром. Визирь уже ожидал его в рабочей комнате. На столе лежали несколько документов, а рядом стоял закрытый деревянный футляр.

— Садись, Омар, — предложил хозяин. — Сегодня нам предстоит поговорить о времени.

— О календаре?

— И о нём тоже. Султан заинтересовался твоими предложениями. Он хочет знать, насколько точным может стать новый календарь и что потребуется для его создания.

Омар сел напротив.

— Прежде всего необходимо понять, какую задачу мы решаем. Календарь должен не просто красиво выглядеть в таблицах. Он обязан соответствовать действительным астрономическим циклам и оставаться удобным для людей, которые будут им пользоваться.

— Ты можешь объяснить это султану?

— Постараюсь.

Низам аль-Мульк открыл футляр и достал несколько листов.

— Здесь собраны сведения о календарях, которыми пользуются в разных частях государства. Некоторые отличаются друг от друга, некоторые дают расхождения в датах. Это создаёт трудности в управлении, сборе налогов и определении праздничных дней.

— Значит, проблема не только научная, но и государственная.

— Именно. Поэтому султан ждёт от тебя решения.

Омар внимательно изучил документы.

— Существуют разные способы измерять год, — сказал он. — Но если мы хотим получить надёжный результат, нам нельзя просто взять один календарь и объявить его правильным. Нужно провести наблюдения, сопоставить их с вычислениями и установить продолжительность года с максимально возможной точностью.

— Сколько времени это займёт?

— Я не стану называть срок, пока не увижу все условия работы.

Визирь покачал головой.

— Ты удивительно неохотно обещаешь то, чего от тебя ждут.

— Потому что обещание, данное ради спокойствия собеседника, может стать причиной большого разочарования.

— А если султан потребует срок?

— Тогда я назову срок, который считаю разумным, и объясню, от чего будет зависеть результат.

Низам аль-Мульк некоторое время смотрел на него, затем отодвинул документы.

— Хорошо. Именно такого ответа я и ожидал.

Он подошёл к окну.

— Есть ещё одно обстоятельство. При дворе появились люди, которые считают, что научное учреждение должно подчиняться не только общему порядку, но и их собственным представлениям о том, что достойно изучения.

— Кто эти люди?

— Пока неважно. Среди них есть влиятельные придворные, есть религиозные учёные, есть те, кто просто привык вмешиваться в дела, которые не понимает. Они уже задают вопросы о твоих взглядах.

— Какие именно?

— Почему ты изучаешь небесные движения? Почему считаешь, что человеческий разум способен исследовать устройство мира? Почему позволяешь себе сомневаться в утверждениях, которые другие считают бесспорными?

Омар спокойно выслушал его.

— Это вопросы, на которые можно ответить.

— Не всегда спрашивают ради ответа.

— Тогда следует выяснить, чего именно от меня хотят.

Визирь повернулся к нему.

— Ты не понимаешь, насколько опасным может оказаться подобное любопытство.

— Понимаю, что опасность существует. Но если я начну менять свои исследования из-за каждого слуха, то скоро перестану заниматься наукой.

— Никто не требует от тебя отказаться от науки.

— Пока нет.

Низам аль-Мульк подошёл к столу и сел.

— Я хочу, чтобы ты запомнил одну вещь. Государство может поддержать учёного, но не всегда способно защитить его от всех противников. Иногда приходится выбирать слова, иногда — время для разговора, иногда — место, где лучше промолчать.

— Я не считаю молчание всегда трусостью, — ответил Омар. — Бывает, что оно разумнее ответа. Но я не хочу, чтобы осторожность стала привычкой скрывать правду.

— А я не хочу, чтобы твоя прямота погубила дело, которое только начинает приносить пользу.

Омар задумался. Он понимал, что визирь говорил не только о нём. Низам аль-Мульк сам жил среди интриг, зависти и борьбы за влияние. Его положение требовало осторожности, которую учёный, погружённый в свои расчёты, мог не замечать.

— Я постараюсь быть осмотрительным, — сказал Омар. — Но прошу и вас помнить: если мы создаём место для науки, то должны позволить людям думать. Иначе это будет не научный центр, а ещё одно дворцовое учреждение.

Визирь долго молчал.

— Ты ставишь передо мной непростую задачу.

— Я ставлю её перед нами обоими.

Низам аль-Мульк улыбнулся, хотя в его глазах оставалась тревога.

— Что ж, Омар. Возможно, именно поэтому я и решил поддержать тебя. Ты не умеешь говорить только то, что приятно слышать.

Он передал Хайяму документы и поручил подготовить предварительный план наблюдений. Затем они обсудили необходимые инструменты, условия работы и приглашение дополнительных специалистов.

Когда беседа завершилась, Омар вышел во внутренний двор. Там, у небольшого фонтана, стоял старый служитель и внимательно рассматривал воду, падавшую с каменного края.

— Красиво, не правда ли? — произнёс Омар.

Старик поднял голову.

— Вода всегда красива, господин, если её не заставляют идти против её природы.

— А если её направляют по каналу?

— Тогда она всё равно течёт, но уже не туда, куда хотела бы.

Омар улыбнулся.

— Ты говоришь как философ.

— Нет, господин. Я просто много лет чищу этот фонтан и знаю, что бывает, когда вода перестаёт находить себе дорогу.

Хайям некоторое время смотрел на струи. Вода казалась неподвижной в своей непрерывности: одна капля исчезала, другая занимала её место, а поток оставался прежним.

Он подумал о времени. Люди измеряли его годами, месяцами, днями, пытались разделить на части, подчинить календарям и законам. Но само время не замечало этих попыток. Оно проходило сквозь дворцы и хижины, через судьбы царей и бедняков, через рождение и смерть, не спрашивая разрешения.

И всё же человек продолжал считать, наблюдать, искать закономерности. Не потому, что мог остановить время, а потому, что хотел понять, что именно происходит с ним самим, пока проходит его жизнь.

В тот вечер Омар вернулся к своим записям и начал составлять план будущих наблюдений. Он работал долго, тщательно проверяя каждую величину и отмечая вопросы, на которые ещё предстояло найти ответы.

За окном постепенно темнело. В комнате горела лампа, на столе лежали рукописи, а рядом с ними — первые чертежи инструментов, которые должны были приблизить человека к точному измерению небесных движений.

Омар понимал, что впереди много труда. Но теперь его занимала не только задача создания нового календаря. Он всё яснее осознавал, что время — это не просто предмет научного исследования. Оно является самым строгим судьёй человеческой жизни.

Султаны могут повелевать армиями, визири — управлять государствами, учёные — открывать законы природы. Но ни один из них не способен приказать времени остановиться.

И, быть может, именно поэтому человеку так важно успеть сделать что-нибудь настоящее, пока ему отпущена его короткая доля вечности.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ПЕРВЫЕ РАСЧЁТЫ

Рабочие дни Омара Хайяма становились всё длиннее. Он приходил в научные помещения прежде большинства сотрудников и нередко оставался там до позднего вечера, когда переписчики уже гасили лампы, а мастера убирали инструменты. На столе перед ним лежали таблицы, геометрические построения, записи наблюдений и листы с вычислениями, которые он неоднократно проверял.

Его интересовала не только продолжительность года. Он хотел понять, насколько точно существующие способы измерения времени отражают действительное движение небесных тел и какие ошибки накапливаются в календарных расчётах.

Однажды утром он собрал ближайших помощников.

— Сегодня мы начнём с простого вопроса, — сказал он, разложив перед ними несколько таблиц. — Что такое год?

Молодой Юсуф поднял руку.

— Время, за которое Земля совершает полный оборот вокруг Солнца.

— Хорошо. А как мы узнаём, что этот оборот завершился?

— По возвращению Солнца к прежнему положению относительно звёзд.

— Именно. Но если мы измеряем это возвращение неточно, то что произойдёт через несколько десятилетий?

— Календарь начнёт отставать или опережать действительное время.

— А через несколько столетий?

Юсуф задумался.

— Расхождение станет ещё заметнее.

— Вот почему календарь нельзя считать простой таблицей праздников. Это результат наблюдений, вычислений и постоянной проверки.

Фарид, присутствовавший при разговоре, заметил:

— Но ведь для повседневной жизни людям не требуется столь высокая точность. Земледельцу достаточно знать, когда наступает время посева, а торговцу — когда открывается сезон караванов.

— Верно, — ответил Омар. — Но если мы можем сделать измерение точнее, почему должны сознательно оставлять ошибку?

— Потому что точность требует средств.

— А незнание иногда обходится дороже.

Фарид не стал продолжать спор.

Работа распределилась между несколькими группами. Одни сотрудники занимались изучением прежних астрономических таблиц, другие готовили инструменты, третьи проверяли геометрические расчёты. Юсуфу поручили переписывать результаты наблюдений и сводить их в общие таблицы. Омар следил за тем, чтобы каждая запись содержала не только итоговую величину, но и сведения о способе её получения.

— Зачем так подробно? — однажды спросил Юсуф. — Если результат проверен, разве этого недостаточно?

— Нет. Результат без описания пути к нему похож на запертую дверь. Ты видишь, что за ней что-то есть, но не можешь проверить, как туда попасть.

— Значит, будущие учёные должны иметь возможность повторить наши расчёты?

— Не только повторить. Они должны иметь возможность обнаружить нашу ошибку, если мы её допустим.

Юсуф улыбнулся.

— Вы, кажется, заранее готовитесь к тому, что кто-нибудь будет вас критиковать.

— Если никто не станет критиковать мои расчёты, я буду подозревать, что их недостаточно внимательно изучили.

В тот же день Омар получил известие, что один из приглашённых мастеров завершил изготовление важной детали для наблюдательного инструмента. Хайям осмотрел работу, проверил размеры и предложил внести небольшое изменение.

Мастер сначала нахмурился.

— Я изготовил всё по твоим чертежам.

— И сделал хорошо. Но после первых испытаний мы обнаружили, что конструкцию можно улучшить.

— Ты хочешь, чтобы я переделал уже готовую работу?

— Я хочу, чтобы мы получили прибор, которому можно доверять.

Мастер посмотрел на чертёж, затем на металлическую деталь.

— Учёные никогда не бывают довольны.

— Хорошие мастера тоже, — ответил Омар.

На этот раз старик рассмеялся.

Вечером, когда сотрудники разошлись, Хайям остался за столом. Он снова просматривал вычисления, пытаясь найти источник небольшого расхождения между двумя наборами данных. Ошибка была незначительной, но он не хотел оставлять её без объяснения.

За окном медленно сгущалась темнота. Омар отложил перо и на мгновение прикрыл глаза. В памяти возникли улицы Нишапура, знакомые голоса, первые учителя, долгие разговоры о книгах и мире. Он подумал, что путь, который привёл его сюда, состоял из множества случайных встреч и решений, каждое из которых в своё время казалось незначительным.

Возможно, так же складывается и история человеческого знания. Никто не знает заранее, какое наблюдение окажется важным, какая запись сохранится, а какая мысль изменит направление целой науки.

Он снова взял перо.

Работа не терпела усталости, хотя человек, который её выполнял, был смертен.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ТЕ, КТО ПРИХОДЯТ С ВОПРОСАМИ

Вскоре после начала расчётов в научный центр прибыл человек, которого Омар прежде не встречал. Его звали Абу-ль-Касим. Он был известен при дворе как знаток богословских трудов и пользовался уважением среди некоторых влиятельных людей.

Абу-ль-Касим попросил разрешения присутствовать на обсуждении научных вопросов. Омар не возражал. Он считал, что знание не должно превращаться в закрытый круг, куда допускают только тех, кто заранее согласен с мнением руководителя.

Гость оказался человеком вежливым, сдержанным и весьма образованным. Он внимательно слушал объяснения, задавал вопросы о движении планет, о соотношении наблюдений и расчётов, о пределах человеческого знания.

Сначала беседа проходила спокойно.

— Вы полагаете, что математические законы существуют независимо от человека? — спросил Абу-ль-Касим.

— Я полагаю, что человек обнаруживает отношения, которые не создаются его желанием, — ответил Омар.

— Но разве разум способен постичь всё, что существует?

— Нет. И я не знаю ни одного серьёзного учёного, который утверждал бы обратное.

— Тогда почему вы так уверены в своих вычислениях?

— Я уверен не в собственной непогрешимости, а в необходимости проверки. Если расчёт подтверждается наблюдением, он приобретает силу. Если противоречит ему, мы должны искать причину.

Абу-ль-Касим кивнул.

— А если наблюдение противоречит тому, что человек считает установленным верой?

Омар посмотрел на собеседника.

— Тогда необходимо понять, действительно ли противоречие существует. Иногда люди спорят не из-за истины, а из-за того, что по-разному толкуют слова.

— Вы осторожны в ответах.

— Я предпочитаю не торопиться там, где поспешность может причинить вред.

— Но разве учёный не должен быть свободен в своих рассуждениях?

— Должен. Однако свобода мысли не освобождает его от ответственности за сказанное.

Абу-ль-Касим задумчиво провёл рукой по бороде.

— Вы говорите о свободе, но не отвечаете прямо на вопрос о границах знания.

— Потому что не всякая граница известна тому, кто к ней приближается.

Разговор продолжился. Гость интересовался не только астрономией, но и философией, математикой, отношением человека к судьбе. Омар отвечал охотно, хотя старался не превращать беседу в спор о религиозных убеждениях.

В конце встречи Абу-ль-Касим поднялся.

— Я вижу, что вы человек серьёзный. Надеюсь, ваши исследования принесут пользу.

— Благодарю. Я также надеюсь, что наши разговоры помогут лучше понимать друг друга.

— Возможно, мы ещё встретимся.

Когда гость ушёл, Юсуф, присутствовавший при беседе, подошёл к Омару.

— Учитель, вы не опасаетесь таких разговоров?

— Почему я должен их опасаться?

— Он задавал вопросы, которые могут оказаться непростыми при дворе.

— Вопросы сами по себе не опасны. Опасным иногда становится намерение того, кто их задаёт.

— А вы поняли его намерение?

Омар покачал головой.

— Пока нет.

Юсуф задумался.

— Мне показалось, что он хотел проверить вас.

— Возможно. Но если человек приходит с вопросами, лучше отвечать на них по существу, а не подозревать его заранее.

— А если он вернётся с другими вопросами?

— Тогда мы продолжим разговор.

Омар не хотел признавать, что встреча оставила в нём некоторое беспокойство. Он чувствовал, что вокруг научного центра постепенно формируется внимание, не всегда связанное с его работой. Одни хотели понять, другие — оценить, третьи, возможно, искали повод для обвинений.

Но отказываться от бесед он не собирался. Человек, который боится каждого вопроса, рано или поздно начинает бояться и собственного разума.

Вечером он записал несколько мыслей, возникших во время разговора. Среди них была одна, к которой он возвращался особенно часто: не следует путать признание границ человеческого знания с отказом от поиска. Именно осознание собственного незнания заставляет человека двигаться дальше.

И всё же он понимал, что не каждый собеседник способен принять такую мысль спокойно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

В тот вечер Омар собирался закончить работу раньше обычного. Несколько дней подряд он почти не отдыхал, и даже самые простые вычисления начинали требовать от него усилий.

Когда он уже складывал бумаги, в помещение вошёл служитель.

— Господин Хайям, вам передали письмо.

— От кого?

— Курьер сказал, что оно прибыло из Нишапура. Имя отправителя указано на обороте.

Омар взял письмо. Почерк был знакомым, хотя время немного изменило его. Он осторожно развернул лист и прочитал первые строки.

Письмо было от старого знакомого, человека, с которым он когда-то обсуждал книги, стихи и вопросы, не имевшие практической пользы для повседневной жизни. Отправитель писал, что в Нишапуре многое изменилось, что одни друзья уехали, другие обзавелись семьями, а некоторые уже покинули этот мир.

Особенно его взволновали несколько строк о человеке, которого Омар помнил с юности.

«Ты спрашивал когда-то, может ли знание сделать человека счастливее. Я не знаю ответа. Но теперь, когда мы стали старше, мне кажется, что человек чаще вспоминает не те книги, которые прочёл, а тех, с кем мог о них говорить».

Омар перечитал эти слова.

Он сел и продолжил чтение. Друг писал о знакомых улицах, о старом рынке, о саде возле дома, где они когда-то проводили вечера. В конце письма было сказано:

«Ты ушёл далеко, и я не знаю, когда мы увидимся. Но если однажды звёзды покажутся тебе особенно холодными, вспомни, что где-то под тем же небом есть люди, которые помнят тебя не как учёного, не как человека при дворе, а просто как друга».

Омар медленно опустил письмо.

Впервые за долгое время он ощутил тоску по прошлому с такой силой, что все дворцовые дела показались ему далёкими и незначительными. Он вспомнил разговоры до рассвета, споры, которые продолжались часами, первые попытки писать стихи, запах старых книг и беззаботное чувство, будто впереди бесконечное количество времени.

Теперь всё это существовало в памяти.

Он достал чистый лист и начал писать ответ. Несколько раз останавливался, перечитывал строки и зачёркивал отдельные фразы. Ему хотелось сказать многое, но ни одна из привычных формулировок не казалась достаточно точной.

Наконец он написал:

«Друг мой, я часто думаю, что человек покидает родные места раньше, чем они покидают его. Мы можем пересечь горы, увидеть другие города, встретить новых людей, но в памяти остаются голоса тех, кто знал нас прежде, чем мир начал требовать от нас чего-то большего.

Ты прав: книги не заменяют людей. Но иногда именно книги помогают сохранить разговор с теми, кого больше нет рядом.

Я не знаю, когда вернусь. Пока передо мной много работы, и я не могу оставить её незавершённой. Но я помню наши беседы и надеюсь, что однажды мы снова сможем спорить о вещах, которые не приносят человеку ни богатства, ни почестей, но делают его жизнь осмысленнее».

Он сложил письмо и передал служителю, чтобы тот отправил его с ближайшим надёжным курьером.

После этого Омар вышел во двор. Ночь была ясной. На небе мерцали звёзды, и лёгкий ветер шевелил листья деревьев.

Он подумал о том, что жизнь человека состоит не только из великих целей. Иногда самое важное скрывается в простых вещах: в голосе друга, в воспоминании о доме, в возможности поговорить без опасения, что каждое слово будет оценено с точки зрения пользы или положения.

Вспомнились ему и стихи, которые он когда-то слышал в Нишапуре. Он не был уверен, кому принадлежали эти строки и насколько точно сохранил их в памяти, но их смысл казался ему близким:

«Не спрашивай у времени, зачем оно спешит,

Оно не ждёт ответа и назад не возвратит.

Береги того, с кем можешь говорить без страха,

Пока ещё дорога к нему открыта и лежит».

Омар не стал записывать эти строки. Возможно, завтра он вспомнит их иначе, а возможно, они вовсе не были стихами в том виде, в каком возникли сейчас. Но мысль, заключённая в них, осталась с ним.

Он понял, что, увлечённый наукой, всё чаще забывал о тех, ради кого человек вообще стремится сделать свою жизнь достойной.

На следующее утро его снова ждали расчёты, наблюдения и встречи. Но теперь, открывая рукописи, он чувствовал, что должен сохранить в себе не только учёного, ищущего точность, но и человека, которому нужны дружба, память и любовь.

Ибо можно научиться измерять движение небесных тел, но нельзя измерить глубину человеческой привязанности. А время, которое отнимает у нас близких, не оставляет возможности бесконечно откладывать самое важное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
ПЕРВАЯ ПОБЕДА РАЗУМА

К началу следующего месяца подготовка к астрономическим наблюдениям заметно продвинулась. Мастера завершили изготовление нескольких инструментов, переписчики привели в порядок значительную часть рукописей, а сотрудники научного центра приступили к систематической проверке старых таблиц.

Омар Хайям не позволял торопить работу. Он понимал, что поспешно полученный результат способен принести кратковременное удовлетворение, но впоследствии обернуться ошибкой, которую придётся исправлять годами.

Особенно много времени занимала проверка данных, накопленных прежними поколениями астрономов. Хайям не собирался отвергать их труды. Напротив, он считал необходимым сохранить всё ценное, что было открыто до него, отделив достоверные результаты от приблизительных вычислений и наблюдений, выполненных при помощи недостаточно точных инструментов.

Однажды Юсуф принёс ему несколько сводных таблиц.

— Я закончил сравнение, учитель. В некоторых местах расхождения оказались меньше, чем мы предполагали. Но есть и такие, где разница достаточно велика.

— Ты проверил исходные записи?

— Дважды.

— А вычисления?

— Трижды. Последний раз вместе с Фаридом.

Омар поднял голову.

— С Фаридом?

— Да. Он сам предложил помочь. Сказал, что хочет убедиться, не пропустили ли мы чего-нибудь.

Хайям улыбнулся.

— Это хорошее решение.

— Но он не согласился с одним из наших выводов.

— И что ты сделал?

— Попросил его показать, где именно мы ошиблись.

— Правильно. А он?

— Долго смотрел на таблицы, затем сказал, что должен всё перепроверить.

Омар отложил бумаги.

— Видишь, Юсуф, иногда человек меняет мнение не потому, что проиграл спор, а потому, что нашёл более убедительное основание для другого мнения.

— Вы думаете, Фарид действительно изменился?

— Не знаю. Но я рад, что он решил проверить расчёты, а не просто отвергнуть их.

Вскоре Фарид сам пришёл к Омару. В руках он держал несколько листов с пометками.

— Я проверил те вычисления, о которых мы спорили, — сказал он.

— И что обнаружил?

— В одном месте действительно была неточность. Небольшая, но достаточная, чтобы повлиять на последующие результаты.

Омар внимательно посмотрел на него.

— Ты нашёл её в наших расчётах?

— Да.

— Хорошо, что заметил.

Фарид явно ожидал иной реакции.

— Ты не сердишься?

— За что?

— За то, что я оказался прав.

— Если ты оказался прав, я должен благодарить тебя, а не сердиться.

Фарид положил листы на стол.

— Я привык, что учёные защищают свои положения до последнего. Иногда даже тогда, когда уже понимают, что ошибаются.

— Это случается не только с учёными. Человек часто защищает не саму мысль, а своё самолюбие, которое успело к ней привязаться.

— А ты никогда не поступал так?

Омар задумался.

— Наверняка поступал. Но надеюсь, что хотя бы иногда мне хватало сил это заметить.

Они вместе изучили обнаруженную неточность, внесли исправления и договорились провести дополнительные наблюдения.

К вечеру результаты оказались достаточно убедительными, чтобы представить их руководству научного центра. Омар собрал сотрудников и объяснил, что именно удалось установить, какие вопросы остаются открытыми и почему нельзя считать промежуточные выводы окончательными.

Он не скрывал ни собственных сомнений, ни ошибок, найденных помощниками. Напротив, особо отметил участие Юсуфа и Фарида.

— Сегодня мы добились успеха не потому, что кто-то из нас оказался умнее остальных, — сказал он. — Мы продвинулись вперёд потому, что каждый согласился проверить свою работу и принять результат проверки.

После совещания Фарид подошёл к нему.

— Ты мог бы не упоминать моё имя. Раньше я спорил с тобой, а теперь помогаю.

— Именно поэтому я и должен был упомянуть твоё имя. Человек не обязан всю жизнь оставаться пленником собственного вчерашнего мнения.

Фарид впервые улыбнулся без тени насмешки.

В тот вечер Омар задержался в рабочей комнате. Он смотрел на таблицы и думал о том, что настоящая победа разума редко бывает похожа на победу полководца. Здесь нет захваченных городов, поверженных противников и торжественных шествий. Иногда она заключается лишь в том, что один человек признаёт ошибку, другой принимает поправку, а третий получает возможность увидеть то, чего прежде никто не замечал.

Но именно из таких незаметных побед складывается история человеческого знания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

СЛОВО, КОТОРОЕ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Слава о работе Омара постепенно распространялась за пределы научного центра. Во дворце всё чаще говорили о его расчётах, а некоторые придворные уже называли его одним из самых перспективных учёных при дворе Малик-шаха.

Вскоре состоялась встреча, на которой Хайяму предстояло представить первые результаты своих исследований Низам аль-Мульку и нескольким представителям султанской администрации.

В зале присутствовали люди, далёкие от повседневной научной работы. Одни интересовались практической пользой нового календаря, другие хотели узнать, насколько быстро можно завершить исследования. Несколько человек, судя по их выражению лиц, пришли скорее оценить самого Омара, чем услышать его объяснения.

Хайям говорил спокойно и последовательно. Он показал, какие данные были сопоставлены, какие расхождения обнаружены и почему для получения более точного результата требуются дальнейшие наблюдения.

Один из придворных, человек с тонким лицом и дорогим перстнем на руке, перебил его:

— Вы хотите сказать, что все прежние календарные расчёты были неверны?

— Нет, — ответил Омар. — Я хочу сказать, что любой расчёт имеет определённую степень точности. Наша задача — уменьшить ошибку настолько, насколько позволяют знания и инструменты.

— Но разве люди не пользовались этими календарями многие годы?

— Пользовались. И продолжали жить, сеять, собирать урожай, заключать сделки и отмечать праздники. Это не означает, что календарь нельзя сделать точнее.

— Тогда зачем тратить столько средств на то, что и без того работает?

Омар посмотрел на него.

— Если бы ваши слуги приносили вам воду в сосуде, который каждый день теряет часть содержимого, вы потребовали бы исправить сосуд или решили бы, что потеря воды не имеет значения, поскольку её всё ещё хватает для питья?

Несколько присутствующих улыбнулись. Придворный недовольно поправил перстень.

— Вы сравниваете государственные расходы с дырявым сосудом?

— Я сравниваю необходимость исправлять ошибки с необходимостью устранять недостатки в любой полезной работе.

Низам аль-Мульк вмешался прежде, чем спор приобрёл нежелательное направление.

— Господин Хайям объясняет, что точность требует времени и средств. Мы должны решить, готовы ли выделить их ради результата.

Один из чиновников поднялся.

— Я полагаю, что султану следует представить более конкретные сроки. Иначе научное учреждение может превратиться в бесконечное собрание людей, которые только и делают, что обсуждают собственные сомнения.

— Сомнение не является конечной целью исследования, — ответил Омар. — Оно лишь позволяет обнаружить то, что необходимо проверить. Целью остаётся достоверный результат.

После долгого обсуждения Низам аль-Мульк объявил, что работа будет продолжена. Учёным предоставят необходимые средства, а промежуточные результаты представят султану позднее.

Когда встреча закончилась, Омар вышел в коридор. Там его догнал молодой придворный, который во время заседания почти не произносил ни слова.

— Господин Хайям, позвольте задать вам вопрос.

— Слушаю.

— Почему вы не пытаетесь понравиться людям, от которых зависит ваша работа?

Омар остановился.

— А ты считаешь, что я должен?

— Многие считают, что без этого невозможно добиться успеха при дворе.

— Возможно, они правы. Но если я буду говорить каждому то, что он хочет услышать, кто-нибудь однажды спросит меня, почему мои слова не соответствуют действительности.

Молодой человек усмехнулся.

— Но ведь иногда небольшая уступка ничего не меняет.

— Маленькая уступка не всегда опасна. Опасно не замечать, когда она становится привычкой.

— Вы никогда не жалели о своей прямоте?

Омар посмотрел на него внимательнее.

— Конечно, жалел. Человек может сожалеть о резком слове, о неверно выбранном времени, о том, что не сумел объяснить свою мысль. Но я не хочу сожалеть о том, что сознательно солгал ради собственного удобства.

Молодой придворный задумался.

— Значит, вы считаете, что слово дороже золота?

— Иногда одно слово может стоить человеку гораздо дороже золота. Особенно если он произносит его перед теми, кто привык покупать чужое молчание.

Они попрощались.

Омар продолжил путь, но слова молодого человека ещё долго звучали у него в памяти. Он понимал, что в его положении придётся научиться осторожности. Не всякая правда нуж-

дается в немедленном произнесении, не всякое возражение следует превращать в публичный спор. Однако осторожность должна помогать человеку сохранять достоинство, а не становиться оправданием бесчестия.

Вечером он записал несколько мыслей о власти и человеческой речи. Потом отложил перо и посмотрел на лежавшие перед ним астрономические таблицы.

Там всё было проще. Число не льстило, не завидовало, не пыталось получить должность. Оно либо соответствовало вычислению, либо нет.

С людьми было гораздо труднее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ
ПОДАРОК СУЛТАНА

Через несколько дней Омар получил приглашение во дворец. На этот раз его ожидала не обычная беседа с визирем, а аудиенция у самого Малик-шаха.

Султан находился в большом зале вместе с Низам аль-Мульком и несколькими приближёнными. Когда Хайям вошёл, Малик-шах поднялся со своего места.

— Подойди, Омар. До меня дошли хорошие вести о твоей работе.

— Благодарю, повелитель.

— Говорят, ты не только исправляешь прежние расчёты, но и заставляешь своих помощников спорить друг с другом.

— Я стараюсь, чтобы они не боялись проверять собственные выводы.

— И не боишься, что они однажды оспорят твои?

— Напротив, повелитель. Я буду рад, если их доводы окажутся убедительнее моих.

Султан рассмеялся.

— Странный человек! Большинство придворных стремится, чтобы никто не сомневался в их словах, а ты хочешь, чтобы тебе возражали.

— Если возражение помогает найти истину, оно полезнее похвалы.

Малик-шах жестом пригласил его сесть.

— Низам рассказал мне о твоих предложениях. Я решил, что тебе следует предоставить больше возможностей. Научный центр будет расширен. Ты получишь средства на приобретение книг и изготовление необходимых инструментов. Кроме того, я хочу, чтобы ты руководил работой по совершенствованию календаря.

Омар поклонился.

— Я благодарен за доверие, повелитель.

— Но у меня есть ещё один подарок.

Султан сделал знак слуге. Тот принёс небольшой ларец, украшенный металлическими накладками. Когда крышку открыли, внутри оказались несколько золотых монет и дорогой перстень.

— Это знак моего расположения, — сказал Малик-шах. — Ты заслужил его своими трудами.

Омар посмотрел на подарок, но не потянулся к нему.

— Ты не рад? — спросил султан.

— Я благодарен за вашу щедрость. Но позволите мне попросить об одном?

— Говори.

— Если средства, которые предназначены для науки, будут направлены на приобретение книг, инструментов и оплату труда специалистов, они принесут больше пользы, чем личное вознаграждение.

Низам аль-Мульк внимательно посмотрел на Хайяма.

— Но ты тоже должен жить, — заметил визирь.

— Я не отказываюсь от вознаграждения за свой труд. Я лишь прошу, чтобы главная часть средств пошла на развитие общего дела.

Малик-шах несколько мгновений молчал, затем улыбнулся.

— Хорошо. Ты получишь достойное содержание, а научный центр — дополнительное финансирование. Но перстень всё равно возьми. Пусть он напоминает тебе, что султан ценит твои труды.

Омар принял подарок и поклонился.

— Я постараюсь оправдать ваше доверие.

— Не старайся оправдывать моё доверие словами. Сделай так, чтобы твои труды говорили сами за себя.

После аудиенции Низам аль-Мульк задержал Омара.

— Ты сегодня поступил разумно, — сказал он.

— Я просто хотел, чтобы средства пошли на работу.

— Не каждый придворный способен отказаться от немедленной выгоды ради результата, который увидят другие.

— Я не отказывался от всего. Султан был щедр.

— Но ты не позволил подарку стать главным событием встречи.

Омар улыбнулся.

— Если однажды мои труды окажутся бесполезными, перстень не сможет сделать их ценными.

Визирь рассмеялся.

— Надеюсь, ты и дальше будешь удивлять меня подобными ответами.

Когда Хайям покинул дворец, он остановился возле сада. В руках у него был небольшой ларец. Золотые монеты блестели в солнечном свете, перстень казался тяжёлым и дорогим.

Он подумал о людях, которые всю жизнь стремятся получить признание властителей. Для одних оно становится смыслом существования, для других — ступенью к ещё большей власти. Но сам Омар чувствовал, что подобные дары имеют значение лишь тогда, когда не начинают управлять человеком.

Он вспомнил слова старого мастера, сказанные во время одной из первых прогулок по городу: хорошая работа не надоедает, даже если повторяешь её тысячу раз.

Наверное, в этом и заключалась его собственная мера богатства.

Не в количестве золота, которое можно положить в ларец, а в возможности утром снова открыть рукопись, проверить вычисление, обнаружить ошибку и сделать ещё один шаг к пониманию мира.

Вечером он передал распоряжения о расширении работы. В ближайшие недели предстояло пригласить новых специалистов, пополнить библиотеку и подготовить условия для длительных наблюдений.

Но вместе с расширением научного центра росло и внимание к его руководителю. Одни видели в Омаре талантливого учёного, другие — любимца визиря, третьи — человека, который слишком свободно распоряжается доверием султана.

Хайям ещё не знал, что вскоре ему придётся столкнуться с последствиями этой растущей известности.

Пока же он смотрел на ночное небо и думал о том, что звёзды одинаково светят над дворцом и над беднейшей хижиной. И ни одна из них не меняет своего пути только потому, что кто-то на земле получил золотой перстень.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ — ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ТЕ, КТО НЕ БОЯТСЯ ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ

Золотой перстень, подаренный султаном, лежал на столе рядом с раскрытой рукописью. Омар почти не носил его. Не потому, что презирал царские дары, а потому, что не хотел привыкать к мысли, будто его достоинство нуждается в подтверждении со стороны властителя.

В то утро он пришёл в научный дом раньше остальных. Ночь выдалась беспокойной: ветер несколько раз срывал ставни, а ближе к рассвету над городом прошёл короткий дождь. Каменные плиты внутреннего двора ещё хранили влагу, и воздух пах мокрой землёй, пылью и древесным дымом.

Юсуф уже сидел за столом, разбирая записи наблюдений. Рядом с ним лежали два листа, исписанные разными почерками.

— Ты опять не спал? — спросил Омар.

Молодой переписчик поднял голову и улыбнулся.

— Спал. Но недолго.

— Это не одно и то же, что хорошо спал.

— Я хотел закончить сверку таблиц. Вчера Фарид обнаружил расхождение в двух вычислениях.

Омар снял верхний плащ и подошёл к столу.

— И что же вы решили?

— Пока ничего. Мы проверили вычисления ещё раз. Ошибка, кажется, не в арифметике.

— А где?

Юсуф немного помедлил.

— Возможно, в исходном предположении.

Омар внимательно посмотрел на него. В этих словах было больше зрелости, чем в десятках выученных наизусть рассуждений.

— Хорошо. Значит, вы начинаете понимать, что проверять следует не только ответ, но и вопрос, с которого начинается решение.

— Фарид сначала сердился, — признался Юсуф. — Он говорил, что нельзя каждый раз сомневаться во всём. Иначе мы никогда ничего не закончим.

— В этом он отчасти прав. Бесконечное сомнение может стать такой же преградой, как слепая уверенность. Но между ними есть дорога. Она называется исследованием.

В этот момент во двор вошёл Фарид. В руках он держал небольшой свёрток с бумагами.

— Учитель, — обратился он к Омару, — мы нашли причину расхождения.

— И какую?

— Один из переписчиков прежней таблицы принял наблюдение, сделанное при иных условиях, за величину, пригодную для наших расчётов. Мы слишком долго пытались согласовать числа, которые изначально относились к разным наблюдениям.

Омар развернул бумаги. Несколько минут он молча изучал записи, затем положил их перед собой.

— Значит, дело не в том, что небо изменило свои законы, — произнёс он. — Это мы неверно прочитали свидетельства о нём.

Фарид кивнул.

— Да. Но я должен признать, что Юсуф первым обратил на это внимание.

— Тогда похвали его, — спокойно сказал Омар. — И не делай вид, будто признание чужой правоты уменьшает твою собственную.

Фарид покраснел.

— Я уже извинился перед ним.

— Этого достаточно. Теперь исправьте таблицу и сохраните старые записи. Не уничтожайте ошибку только потому, что нашли правильный путь. Иногда именно ошибка лучше всего показывает, где мы свернули не туда.

Они принялись за работу. Омар ещё некоторое время наблюдал за молодыми учёными, а потом вышел во внутренний двор. Ему нравилось видеть, как люди, не имевшие ни громких имён, ни богатых покровителей, постепенно обретали уверенность в собственном разуме.

Но не все во дворце разделяли его радость.

К полудню прибыл посыльный от Низам аль-Мулька. Визирь просил Омара посетить его без промедления.

В покоях визиря было прохладно. Тяжёлые занавеси защищали помещение от полуденного зноя, а на столе стоял серебряный сосуд с водой и веточками мяты.

Низам аль-Мульк встретил гостя без обычных приветственных церемоний.

— Ты становишься всё более известным, Омар.

— Разве это плохая новость?

— Для человека, который ищет истину, известность может оказаться опаснее невежества.

Омар сел напротив него.

— Что случилось?

Визирь достал из папки несколько листов.

— Вчера вечером мне передали записку. Кто-то утверждает, что в твоём научном доме молодые люди позволяют себе рассуждать о предметах, которые не должны становиться предметом свободного обсуждения.

— Например?

— О природе времени. О движении небесных тел. О границах человеческого знания. О том, насколько верно люди понимают слова древних авторитетов.

Омар чуть заметно улыбнулся.

— И кто же определил перечень вопросов, которые человеку разрешено задавать?

— Не шути. Здесь не место для шуток.

— Я и не шучу. Если человек не может спросить, почему звёзды движутся именно так, а не иначе, то зачем ему смотреть на небо?

Низам аль-Мульк откинулся на спинку кресла.

— Я знаю, что ты скажешь. Но ты должен понимать разницу между поиском знания и вызовом установленному порядку. Одни люди умеют отделять одно от другого. Другие — нет.

— Значит, опасны не вопросы, а те, кто использует их в своих целях?

— Иногда опасны даже самые честные вопросы, если они попадают в руки людей, готовых превратить их в оружие.

Омар взял один из листов. В записке не было подписи, только аккуратно выведенные строки, в которых его научный дом назывался местом сомнительных рассуждений.

— Кто автор?

— Не знаю. И пока не хочу знать. Но мне важно, чтобы ты был осторожен.

— Я не собираюсь учить молодых людей презирать веру или традицию.

— Тогда что ты собираешься им преподавать?

— Различать то, что они знают, то, во что верят, и то, чего пока не понимают.

Визирь внимательно посмотрел на него.

— Не каждый способен вынести такое различие.

— Но если мы будем скрывать от людей незнание, оно не исчезнет. Оно лишь станет удобнее для тех, кто торгует чужим страхом.

Низам аль-Мульк долго молчал. За стеной послышались шаги стражника, затем снова наступила тишина.

— Я защищал тебя перед султаном, — наконец произнёс визирь. — И буду защищать, пока считаю, что твой труд приносит пользу государству и людям. Но я не могу обещать, что дворец всегда будет на твоей стороне.

— Я никогда не просил такой гарантии.

— Знаю. Именно поэтому и беспокоюсь.

Омар вернул записку на стол.

— Скажи мне, визирь, разве можно построить сильное государство на страхе перед вопросами?

— Нет. Но нельзя построить его и на одном только сомнении.

— Значит, нам обоим придётся искать равновесие.

Низам аль-Мульк улыбнулся впервые за всю беседу.

— Ты умеешь превращать даже предупреждение в философский спор.

— А ты умеешь превращать философский спор в предупреждение.

Они расстались почти друзьями, хотя каждый понимал, что в будущем их взгляды могут разойтись.

Когда Омар вернулся в научный дом, солнце уже клонилось к западу. У ворот его ожидал незнакомец в дорожной одежде. Это был мужчина средних лет, с усталым лицом и внимательными глазами. Он поклонился, но не назвал себя.

— Мне сказали, что здесь можно встретить человека, который не прогоняет тех, кто приходит с вопросами.

— Если вопрос не требует от меня лгать, — ответил Омар, — я готов его выслушать.

Незнакомец посмотрел на него с неожиданной серьёзностью.

— Тогда я пришёл по адресу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ГОСТЬ ИЗ ДАЛЁКОЙ ДОРОГИ

Незнакомец не спешил входить. Он стоял у ворот, словно ещё не решил, стоит ли доверять человеку, о котором слышал столько противоречивых рассказов.

Омар предложил ему пройти во двор и распорядился принести воды и хлеба.

— Ты давно в Исфахане? — спросил он.

— Третий день. Я прибыл из Балха, но до этого жил в нескольких городах. Дорога привела меня сюда не случайно.

— Как тебя зовут?

— Мансур ибн Саид.

— Чем занимаешься, Мансур?

— Когда-то преподавал грамматику и толкование текстов. Позднее занимался перепиской рукописей. Теперь больше путешествую, чем преподаю.

— Значит, ты человек слова.

— Скорее человек, который слишком долго полагался на слова других.

Омар заметил в его голосе нечто, напоминавшее усталость после долгого внутреннего спора.

— И что привело тебя ко мне?

Мансур достал из дорожной сумки небольшую рукопись, обёрнутую в выцветшую ткань.

— Я хотел узнать, действительно ли ты считаешь, что древний авторитет может ошибаться.

Омар не стал сразу отвечать.

— А ты сам как считаешь?

— Я всю жизнь слышал, что мудрость заключается в сохранении того, что оставили предшественники. Но однажды я обнаружил в старой рукописи противоречие. Сначала решил, что неправильно прочитал текст. Потом сверил его с двумя другими списками. Противоречие осталось.

— И что ты сделал?

— Ничего. Я переписал текст так, как он был в оригинале, но никому не сказал о найденной ошибке.

— Почему?

Мансур посмотрел на свои руки.

— Потому что боялся. Один из моих учителей говорил, что сомнение в словах великих людей есть начало заблуждения. Я не хотел показаться неблагодарным.

— А теперь?

— Теперь мне кажется, что благодарность и слепота — не одно и то же.

Омар кивнул.

— Это хорошее начало.

Мансур развернул рукопись. На нескольких страницах были записаны рассуждения о движении небесных тел и природе времени. Текст принадлежал неизвестному автору, но содержал ссылки на труды древних мыслителей.

Омар прочитал несколько строк.

— Ты сам составлял эти записи?

— Частично. Остальное переписал из других рукописей. Я пытался найти согласие между различными объяснениями движения планет, но чем больше читал, тем больше видел расхождений.

— Ты искал нечто, что примирило бы все мнения?

— Да.

— А если некоторые из них невозможно примирить?

Мансур поднял глаза.

— Тогда придётся выбрать, кому верить.

— Или проверить, что именно подтверждается наблюдением.

— Но ведь наблюдение тоже может быть ошибочным.

— Разумеется. Поэтому одного наблюдения недостаточно. Нужны повторные проверки, сопоставление результатов, точность измерений и готовность признать, что прежнее объяснение не выдержало испытания.

Мансур задумался.

— Значит, ты не считаешь древних мудрецов непогрешимыми?

— Я считаю их достойными изучения. Но если человек становится непогрешимым только потому, что жил много веков назад, тогда зачем нам собственный разум?

В этот момент во двор вошёл Фарид. Увидев незнакомца, он остановился, поздоровался и хотел было пройти дальше, но Омар подозвал его.

— Фарид, познакомься. Это Мансур ибн Саид. Он привёз интересные записи о движении планет.

Молодой математик сразу заинтересовался рукописью. Он сел рядом и стал внимательно перелистывать страницы.

— Здесь использованы разные таблицы, — заметил он. — Но автор не всегда указывает, из какого источника взяты значения.

— Именно это меня и беспокоит, — ответил Мансур. — Я не смог установить, почему некоторые числа отличаются.

Фарид принёс свои записи. Вскоре трое мужчин склонились над рукописью. Они сравнивали таблицы, делали пометки, спорили о методах расчёта. В одном месте обнаружилась ошибка переписчика, в другом — различие, объяснявшееся условиями наблюдения. Но несколько расхождений оставались необъяснёнными.

— Вот здесь, — сказал Фарид, указывая на одну из строк, — мы пока не можем утверждать, что знаем причину.

Мансур посмотрел на него с удивлением.

— Ты говоришь это так спокойно, словно признать незнание не труднее, чем назвать известное.

Фарид усмехнулся.

— Ещё недавно я считал иначе. Но Омар заставил меня понять одну простую вещь: если мы не знаем ответа, то ложный ответ не делает нас мудрее.

— Я никого не заставляю, — возразил Омар. — Каждый должен сам прийти к этому.

Работа продолжалась до наступления сумерек. Юсуф принёс лампы, а затем поставил на стол простую трапезу. Мансур ел медленно, почти не разговаривая. Казалось, он впервые за долгое время находился среди людей, которым не нужно было доказывать свою правоту любой ценой.

После ужина он попросил Омара пройтись с ним по двору.

— Я хочу остаться здесь, — сказал он.

— В качестве ученика?

— Если ты позволишь. Я могу переписывать рукописи, сверять тексты, помогать в наблюдениях. Но прежде всего хочу научиться не бояться того, чего пока не понимаю.

— Тогда тебе придётся привыкнуть к разочарованиям.

— Я уже достаточно разочаровался в собственной уверенности.

Омар улыбнулся.

— Это тоже полезный опыт, если он не превращается в озлобленность.

Они остановились у небольшой галереи. Над крышами Исфахана уже поднимались звёзды. Мансур долго смотрел на них.

— Когда я был молод, мне казалось, что знания похожи на лестницу. Достаточно подняться по ней достаточно высоко, и однажды увидишь всё.

— А теперь?

— Теперь я думаю, что лестница уходит в темноту. И чем выше поднимаешься, тем больше понимаешь, насколько огромно пространство вокруг.

— Возможно, это и есть одно из первых проявлений мудрости.

Мансур повернулся к нему.

— Но разве человек не должен стремиться к окончательной истине?

— Должен. Только не следует путать стремление с обладанием. Мы можем посвятить жизнь поиску истины и всё же уйти, не узнав её полностью.

— Тогда в чём смысл?

Омар не ответил сразу. Он смотрел на небо, где над тёмным краем города мерцала яркая звезда.

— В том, что благодаря поиску мы становимся менее зависимыми от обмана. И, возможно, немного справедливее друг к другу.

Мансур молча кивнул.

На следующий день он приступил к работе. Юсуф помог ему найти место среди переписчиков, а Фарид предложил продолжить исследование рукописи.

Так в научном доме появился ещё один человек, который пришёл не за почестями и не за богатством. Он пришёл, чтобы заново научиться думать.

Но известие о новом госте вскоре достигло тех, кому свободомыслие Омара уже давно казалось опасным.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

НЕВИДИМАЯ ГРАНИЦА

Прошло несколько недель. Научный дом постепенно менялся. В его комнатах стало теснее, на столах прибавилось рукописей, а во дворе всё чаще можно было увидеть людей, которые приходили не только за ответами, но и за возможностью обсудить собственные открытия.

Омар следил за тем, чтобы работа не превращалась в беспорядочное собрание любопытствующих. Каждый должен был знать своё дело. Переписчики отвечали за точность текстов, математики — за расчёты, наблюдатели — за записи, а старшие учёные проверяли результаты.

Он не любил, когда кто-либо пытался присвоить себе чужую работу. Однажды, обнаружив в отчёте Фарида чужие вычисления без указания имени автора, он вернул листы на исправление.

— Даже если результат верен, — сказал он, — нельзя красть дорогу, которой к нему пришёл другой человек.

Фарид принял замечание без возражений. Он всё чаще становился помощником Омара и уже не стремился победить в каждом споре.

Юсуф тем временем проявлял способности не только к переписке, но и к самостоятельным наблюдениям. Омар поручил ему вести отдельную книгу, куда следовало записывать все результаты без предварительной оценки. Даже те, которые казались неверными или бесполезными.

— Зачем сохранять то, что не пригодится? — спросил однажды Юсуф.

— Потому что сегодня ты не понимаешь значения этих записей. А через десять лет кто-нибудь другой сможет увидеть в них то, чего не заметили мы.

— Значит, научная работа никогда не принадлежит только тем, кто её начал?

— Именно. Знание — не сундук, который можно запереть и передать наследнику. Оно живёт, пока люди продолжают его проверять и дополнять.

Омар всё чаще задумывался о будущем своего труда. Он понимал, что покровительство султана не может быть вечным. Малик-шах был заинтересован в науке, но государственные дела, войны, соперничество эмиров и борьба за влияние могли в любой момент изменить его отношение к научному центру.

А вместе с покровительством могло исчезнуть и спокойствие.

Однажды утром к воротам подъехали два всадника. Они были одеты скромно, но их осанка и манера держаться выдавали людей, привыкших отдавать распоряжения.

Старший передал привратнику свиток с печатью дворцовой канцелярии.

Омару сообщили, что его ожидают во дворце.

На этот раз приглашение не сопровождалось обычными любезностями.

В приёмной он встретил Низам аль-Мулька. Визирь выглядел усталым и, увидев Омара, едва заметно покачал головой.

— Я надеялся, что этого удастся избежать.

— Что произошло?

— Один из придворных богословов подал султану доклад. В нём говорится, что в твоём научном доме обсуждают вопросы, способные поколебать уважение к традиции.

— Опять вопросы?

— На этот раз речь идёт не только о вопросах. Тебе приписывают слова, которых ты не произносил.

— Какие именно?

Низам аль-Мульк протянул ему копию доклада. В нескольких строках утверждалось, будто Омар называл человеческие религиозные убеждения плодом невежества и призывал молодых людей отвергать всё, что не подтверждается математическим расчётом.

Омар перечитал текст и нахмурился.

— Это ложь.

— Я знаю.

— Тогда почему мы обсуждаем её так, словно она может оказаться правдой?

— Потому что ложь, произнесённая при дворе, иногда получает больше внимания, чем правда, которую никто не желает слушать.

Двери открылись. Их пригласили к султану.

Малик-шах сидел у большого окна. Рядом находились несколько придворных, среди которых Омар узнал Абу-ль-Касима. Богослов не выглядел торжествующим. Напротив, он казался задумчивым, словно сам не был уверен, что присутствует при справедливом разбирательстве.

— Омар, — произнёс султан, — я слышал о твоих успехах. Но теперь до меня дошли и другие вести.

— Я готов ответить на любые вопросы, повелитель.

— Говорят, ты учишь молодых людей сомневаться в установленных истинах.

— Я учу их проверять свои знания и не выдавать предположение за доказательство.

Один из придворных выступил вперёд.

— Но разве не опасно, когда юноши начинают ставить под сомнение слова древних мудрецов?

Омар повернулся к нему.

— Опасно, когда юноша считает себя мудрее всех, кто жил до него. Но не менее опасно, когда он отказывается думать только потому, что кто-то другой уже высказал мнение.

— Значит, ты допускаешь, что великие учёные ошибались?

— Да. Как ошибаются все люди. Их величие не в том, что они никогда не ошибались, а в том, что они сумели увидеть больше, чем многие до них.

В зале стало тихо.

Малик-шах посмотрел на Абу-ль-Касима.

— Ты присутствовал в научном доме. Что скажешь?

Богослов некоторое время молчал.

— Я беседовал с Омаром. Он не призывал отвергать веру. Он говорил о пределах человеческого знания и о необходимости различать убеждение, толкование и доказательство. Я не во всём согласен с ним, но не могу утверждать, что слышал от него слова, приведённые в докладе.

Придворный, подавший обвинение, заметно напрягся.

— Но свободное обсуждение подобных вопросов может привести к беспорядку.

— А запрет на обсуждение может привести к невежеству, — ответил Абу-ль-Касим. — Я не думаю, что это одно и то же.

Омар с удивлением посмотрел на богослова. Их прежние беседы не всегда были лёгкими, и он не ожидал услышать от него такую защиту.

Малик-шах поднялся.

— Я не намерен вмешиваться в каждую беседу, которую ведут учёные. Мне нужны люди, способные приносить пользу государству. Но я не потерплю, чтобы под видом знания распространялись оскорбления и вражда.

— Я разделяю это мнение, повелитель, — ответил Омар.

— Тогда продолжай работу. Однако впредь доклады о деятельности научного дома должны быть точными. Я хочу знать, чем занимаются ваши люди и какие результаты получают.

— Это справедливо. Мы готовы представить записи наблюдений, расчёты и отчёты.

— Хорошо. И ещё, Омар. Не забывай, что ты работаешь не только для себя.

— Я никогда этого не забывал.

Аудиенция закончилась. Но Омар понимал: решение султана не устранило опасность. Оно лишь отодвинуло её.

Когда они с Низам аль-Мульком вышли из зала, визирь тихо сказал:

— Сегодня тебе повезло.

— Я не уверен, что это было везение.

— А что же?

— Возможно, на этот раз люди услышали не только обвинение, но и ответ.

Низам аль-Мульк посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Ты всё ещё веришь, что разум способен победить придворные интриги?

— Нет. Но я верю, что без разума мы заранее проиграли.

Вечером Омар вернулся в научный дом. Его встретил Юсуф. Молодой переписчик заметил тревогу на лице учителя и сразу спросил:

— Что-то случилось?

— Ничего непоправимого.

— Нас собираются закрыть?

— Пока нет.

— А потом?

Омар снял плащ и положил его на скамью.

— Юсуф, есть вещи, которые мы не можем знать заранее. Если бы человек видел всё, что ждёт его впереди, ему, возможно, не понадобилось бы мужество.

Юсуф задумался.

— Значит, мы должны продолжать работу?

— Именно. Но не ради того, чтобы кому-то что-то доказать. Работай честно. Не скрывай ошибок. Не присваивай чужих открытий. И не позволяй страху заставить тебя утверждать то, чего ты не знаешь.

Они прошли в большую комнату. Там Фарид и Мансур обсуждали очередные вычисления, а у стены несколько переписчиков готовили новые листы для рукописей.

Омар остановился на пороге.

Ему вдруг показалось, что самое важное в этом доме заключалось вовсе не в таблицах, не в приборах и даже не в будущих открытиях. Оно заключалось в людях, которые постепенно учились мыслить самостоятельно и при этом не терять уважения друг к другу.

Он посмотрел на стол, где рядом лежали старые труды и новые записи. Между ними не было стены. Было лишь расстояние, которое предстояло преодолеть.

А за пределами этого дома существовал другой мир — мир власти, страха, славы и человеческой зависти. Он не исчезал оттого, что несколько людей решили посвятить себя звёздам.

Омар знал: однажды ему придётся заплатить за своё право думать свободно. Он ещё не знал, какой окажется эта цена. Но впервые за долгое время он почувствовал, что уже не одинок на этой дороге.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ПИСЬМО, ПРИШЕДШЕЕ НОЧЬЮ

Осень в Исфахане наступала постепенно. Днём солнце ещё сохраняло летнюю силу, но вечерами воздух становился прохладнее, а по утрам над садами держалась лёгкая дымка. В научном доме прибавилось работы: новые наблюдения требовали сверки, переписчики готовили копии старых трактатов, а Фарид с Мансуром всё глубже погружались в исследование таблиц, привезённых из Балха.

Омар замечал, что молодые сотрудники начинают работать иначе. Раньше они чаще спрашивали, какое мнение следует принять. Теперь всё чаще приносили собственные рассуждения, указывали на расхождения и предлагали способы проверки. Не всегда их выводы оказывались верными, но в этом и заключалось главное изменение: они переставали бояться самостоятельной мысли.

Однажды вечером, когда большинство уже разошлось, Юсуф принёс Омару небольшую стопку рукописей.

— Я закончил сверку, — сказал он. — Но одну запись не стал исправлять.

— Почему?

— В двух списках она дана по-разному. Я не знаю, какой вариант правильный.

Омар взял листы и внимательно прочитал.

— Ты поступил верно. Отметь оба варианта и укажи, откуда взят каждый. Пусть тот, кто будет работать с этим текстом после нас, увидит, что здесь существует разночтение.

— А если кто-нибудь решит, что мы не сумели выполнить свою работу?

— Тогда он не понял, в чём заключается наша работа.

Юсуф улыбнулся и забрал бумаги.

Вскоре во двор вошёл Мансур. Он выглядел обеспокоенным и держал в руках свёрнутый лист.

— Омар, это передали для тебя.

— От кого?

— Посыльный не назвался. Сказал только, что письмо должно попасть в твои руки сегодня.

Омар развернул бумагу. Почерк был незнакомым, строки написаны торопливо. В письме сообщалось, что в одном из селений неподалёку от Исфахана тяжело заболел человек, которого Омар знал в юности. Имя было указано полностью — Абу Наср.

Он перечитал письмо ещё раз.

Абу Наср был одним из тех людей, чьи разговоры когда-то помогли ему увидеть, что знание не сводится к накоплению сведений. Они давно не встречались. Жизнь развела их по разным дорогам, и Омар не знал, что старый знакомый всё ещё живёт в этих краях.

— Что случилось? — спросил Мансур.

— Старый друг болен. Возможно, очень серьёзно.

— Ты поедешь?

— Утром.

Мансур предложил сопровождать его, но Омар отказался. Ему хотелось побыть в дороге одному, подумать, вспомнить то, что давно отодвинулось на дальний план.

Ночью он почти не спал. Перед глазами возникали картины прежних лет: тесные комнаты, в которых они спорили о книгах; долгие прогулки за городом; первые попытки понять сложные математические задачи. Тогда им казалось, что впереди бесконечно много времени и что все важные разговоры ещё можно будет продолжить.

Утром Омар отправился в путь.

Селение находилось в нескольких часах езды от города. Дорога шла среди полей, виноградников и невысоких холмов. Встречались караваны, пастухи, крестьяне, возвращавшиеся с утренней работы. Омар почти не разговаривал с сопровождавшим его слугой, лишь изредка спрашивал о направлении.

Абу Наср жил в небольшом доме на окраине. Когда Омар вошёл, его встретила женщина лет сорока, которую он прежде не видел. Она назвалась дочерью больного.

— Отец часто говорил о тебе, — сказала она. — Он надеялся, что ты когда-нибудь приедешь.

В комнате было полутемно. На низком ложе лежал худой, заметно постаревший человек. Его волосы почти полностью поседели, лицо осунулось, но глаза сохранили прежнюю живость.

Услышав шаги, Абу Наср повернул голову.

— Значит, всё-таки приехал, — произнёс он слабым голосом.

Омар подошёл ближе и сел рядом.

— Я получил твоё письмо.

— Я уже не был уверен, что оно дойдёт.

— Почему ты не сообщил раньше?

Старик попытался улыбнуться.

— Наверное, потому, что слишком долго считал себя человеком, которому незачем жаловаться на судьбу.

Омар взял его за руку.

— Мы слишком часто откладываем встречи, будто время обязано ждать нас.

— Ты всё ещё говоришь так, словно читаешь наставления.

— А ты всё ещё пытаешься превратить серьёзный разговор в шутку.

Они помолчали. Дочь Абу Насра принесла воду и оставила их вдвоём.

— Я слышал о тебе, — сказал старик. — Говорят, султан приблизил тебя к себе, а твои таблицы изучают даже люди, которые прежде не интересовались звёздами.

— Слухи всегда прибавляют к правде немного лишнего.

— А ты сам доволен тем, чего достиг?

Омар посмотрел на окно. За ним виднелась узкая полоска сада.

— Я доволен тем, что у меня есть возможность работать. Но не думаю, что достиг чего-то окончательного.

— Ты и в молодости не любил окончательных ответов.

— Потому что видел, как быстро они превращаются в препятствие для новых вопросов.

Абу Наср закрыл глаза, словно собираясь с силами.

— Помнишь, как мы однажды спорили о том, что останется после человека?

— Помню.

— Я тогда сказал, что останется его имя. Ты возразил, что имя может пережить человека, но не обязательно сохранит его самого.

Омар кивнул.

— Я и сейчас думаю так.

— А теперь мне кажется, что важнее другое. Остаётся то, что человек успел передать другому. Не обязательно книгу или учение. Иногда достаточно одного честного слова, сказанного в нужный момент.

Омар ничего не ответил. Он понимал, что друг говорит не только о прошлом. В его голосе звучало спокойное прощание.

— Ты боишься смерти? — спросил он наконец.

Абу Наср долго смотрел на него.

— Я боюсь не смерти. Я боюсь, что не успел сказать некоторым людям, как много они для меня значили.

Омар опустил голову.

— Тогда скажи сейчас.

— Тебе?

— Мне тоже.

Старик сжал его руку.

— Ты был одним из немногих, кто никогда не требовал от меня притворяться умнее, чем я был. Рядом с тобой можно было признаться, что чего-то не знаешь. Я редко встречал такую свободу.

Омар почувствовал, как к горлу подступает тяжесть. Он вспомнил, сколько лет прошло с тех пор, как они сидели рядом над первыми книгами, спорили, ошибались и смеялись над собственными заблуждениями.

— А ты, — сказал он, — научил меня не считать человеческую слабость чем-то постыдным.

Абу Наср улыбнулся.

Они говорили ещё долго. Вспоминали людей, которых уже не было, обсуждали перемены в городах, книги, судьбы учеников. Иногда старик уставал и закрывал глаза, а Омар просто сидел рядом.

К вечеру ему пришлось возвращаться. Перед отъездом дочь Абу Насра сказала, что отец, кажется, впервые за много дней почувствовал себя спокойнее.

— Я приеду ещё, — пообещал Омар.

Старик услышал его слова и тихо произнёс:

— Приезжай, если сможешь. Но не обещай времени того, чего оно не обещало нам.

Омар не стал возражать.

Обратная дорога показалась ему длиннее утренней. В сумерках он смотрел на холмы и думал о том, как странно устроена человеческая жизнь. Мы строим планы, спорим о будущем, рассчитываем движение небесных тел на десятилетия вперёд, но порой не знаем, увидим ли человека, с которым сегодня простились, ещё раз.

В научный дом он вернулся поздно. На столе лежали новые записи наблюдений. Рядом стоял серебряный сосуд с водой, а на раскрытой рукописи кто-то оставил короткую пометку.

Омар сел, но долго не мог сосредоточиться.

Впервые за многие месяцы ему захотелось не искать ответа, а просто вспомнить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

МЕЖДУ ЗВЁЗДАМИ И ЗЕМЛЁЙ

Через несколько дней Омар снова получил известия об Абу Насре. Состояние старого друга оставалось тяжёлым, но дочь писала, что он по-прежнему разговаривает и иногда просит принести ему книги.

Омар собирался навестить его в ближайшее время, однако дела научного дома требовали внимания.

Фарид принёс новые расчёты. Они касались движения нескольких планет и расхождений между наблюдаемыми положениями небесных тел и значениями, приведёнными в старых таблицах.

— Мы повторили вычисления, — объяснил он. — Результат изменился, но расхождение не исчезло.

— А наблюдения?

— Их недостаточно. Нам нужны более точные измерения.

— Тогда не торопитесь с выводами.

Фарид положил перед ним лист.

— Я думаю, нам следует изменить порядок наблюдений. Если заранее определить время и условия, а затем сопоставить результаты нескольких ночей, мы сможем уменьшить вероятность ошибки.

Омар внимательно изучил предложение.

— Это разумно. Но одного изменения порядка недостаточно. Нужно проверить инструменты, положение наблюдателей и точность записи времени. Даже небольшая неточность способна повлиять на итоговый расчёт.

— Мы можем привлечь Юсуфа.

— Привлеки. И Мансура тоже. Пусть каждый ведёт отдельную запись. Не показывайте друг другу промежуточные результаты, пока не закончите свои вычисления.

Фарид удивлённо посмотрел на него.

— Ты хочешь исключить влияние чужого мнения?

— Хочу понять, где мы получаем одинаковый результат независимо друг от друга, а где начинаются расхождения. Иногда согласие нескольких людей ещё ничего не доказывает, если все они повторяют одну и ту же ошибку.

Вечером началась подготовка к наблюдениям.

На открытой площадке установили приборы. Помощники проверяли крепления, выравнивали поверхности, готовили записи. В воздухе ощущалась прохлада. Над городом постепенно сгущались сумерки.

Омар поднялся на площадку незадолго до появления первых ярких звёзд. Он любил это время суток, когда дневные звуки постепенно стихали, а город словно отступал, освобождая место огромному пространству над головой.

Юсуф подошёл с дощечкой для записей.

— Всё готово, учитель.

— Начинай, когда Фарид даст знак.

Молодой переписчик посмотрел на горизонт.

— Иногда мне кажется, что мы слишком мало знаем о том, что находится над нами.

— Это правда.

— Но ведь люди наблюдали небо задолго до нас. Некоторые посвятили этому всю жизнь.

— И благодаря им мы можем продолжать их работу. Но небо не становится меньше оттого, что люди много веков изучают его.

Юсуф задумался.

— А если однажды мы узнаем всё?

Омар посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Тогда тебе придётся искать другую работу.

Юсуф рассмеялся.

— Значит, это случится нескоро.

— Не стоит беспокоиться. У нас достаточно дел и без этого.

Наблюдения начались. Фарид сверял положение приборов, Мансур фиксировал время, Юсуф записывал результаты. Омар переходил от одного инструмента к другому, проверяя работу каждого.

Ночь была ясной. Небесные светила появлялись одно за другим, и постепенно над Исфаханом раскрывался знакомый, но каждый раз удивлявший их небосвод.

Работа продолжалась несколько часов. Временами приходилось останавливаться, чтобы проверить записи или дождаться нужного положения светила. Один из помощников допустил ошибку при считывании показаний, и Фарид потребовал повторить измерение.

Омар не вмешивался. Он хотел, чтобы молодые учёные сами научились замечать неточности.

Ближе к полуночи они закончили.

В помещении, где хранились записи, зажгли дополнительные лампы. Каждый представил свои результаты. Сначала сравнение шло спокойно, но вскоре обнаружилось расхождение в одной из основных величин.

— У меня получилось иначе, — сказал Юсуф.

Фарид посмотрел на его лист.

— И у меня. Но не так, как у тебя.

Мансур разложил свои записи рядом.

— У меня третье значение.

Омар внимательно изучил все три результата.

— Хорошо. Теперь мы знаем, что у нас есть проблема.

Фарид нахмурился.

— Но ведь мы проверили приборы.

— Значит, проверим ещё раз.

— Возможно, причина в самом способе наблюдения.

— Возможно. А возможно, в наших записях. Не будем выбирать удобное объяснение только потому, что оно первым пришло в голову.

Они вернулись к расчётам. Несколько часов ушло на повторную проверку. Постепенно выяснилось, что расхождение возникло из-за различного способа отсчёта времени. Каждый из наблюдателей использовал собственную запись промежуточного момента, и эти значения не были согласованы.

Исправив порядок, они получили более близкие результаты. Полного совпадения всё ещё не было, но причина основной ошибки стала ясна.

Фарид устало опустился на скамью.

— Мы потратили почти всю ночь из-за одной неточности.

— Нет, — ответил Омар. — Мы потратили ночь, чтобы понять, почему не получили одинаковых результатов. Это разные вещи.

Мансур улыбнулся.

— Ты умеешь находить пользу даже в неудаче.

— Неудача полезна только тогда, когда мы действительно извлекаем из неё урок. Иначе это просто потерянное время.

Когда остальные разошлись, Омар остался один. Он вышел на площадку и посмотрел на звёзды. Они казались неподвижными, хотя он знал, что каждое из этих светил движется в огромном пространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.